

INSPIRIA

Ибон
Мартин

ТАНЕЦ ТЮЛЬ ПАНОВ

«Ибон Мартин создал жестокий и нежный триллер, подобный тюльпанам, которыми убийца украшает своих жертв... Превосходный роман.»

Доминго Вильяр

INSPIRIA

Ибон Мартин

Танец тюльпанов

Серия «Ток. Триллер в сети»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66490704

И. Мартин. Танец тюльпанов: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;

2021

ISBN 978-5-04-159346-9

Аннотация

Невероятно нежный и в то же время жестокий триллер «Танец тюльпанов» получил множество восторженных отзывов на иностранных платформах и вошел в список бестселлеров Amazon в 2019 году.

КНИГА ВОШЛА В СПИСОК БЕСТСЕЛЛЕРОВ В ЕВРОПЕ В 2019 ГОДУ

- + Интригующая и захватывающая завязка
- + Воодушевляющая атмосфера Испании
- + Погружает в книгу до последней страницы
- + Неожиданная развязка
- + Психологически многогранные персонажи
- + Затрагивает важные проблемы в обществе (домашнее насилие, сильные детские травмы, способные разрушить психику человека и вселить в него ненависть на всю жизнь)

Триллер. Детские травмы. Параллельное повествование (в прошлом и настоящем), которое приводит к тому, почему убийца убивает.

Первое убийство с трансляцией на фейсбук.

Это захватывающее путешествие по уютному региону Испании, на первый взгляд тихому и умиротворенному. Но все меняется после убийства популярной журналистки, которое транслировалось в прямом эфире через Фейсбук. Она стала первой жертвой в руках с алым, как кровь, тюльпаном, но не последней. Мирное время сменилось бушующим страхом. Полиции придется «заглянуть» в прошлое, разгадать мотивы и найти знаменитого Убийцу с тюльпаном.

Алый тюльпан стал символом смерти.

«Ибон Мартин создал жестокий и нежный триллер, подобный тюльпанам, которыми убийца украшает своих жертв... Превосходный роман». – Доминго Вильяр

«"Танец тюльпанов" – головокружительное криминальное путешествие, это напряженное время, в течение которого мы узнаем об окружающей среде и психологии человека. С яркими конкретными моментами, такими как прогулка по рынку или разговоры в баре, среди бесчисленного множества других: серфинг, монастырь, музыкальное представление, семейная конфронтация... и это не значит, что эти места существуют для того, чтобы что-то происходило – что-то происходит, потому что эти места просто существуют [...] Портреты персонажей и обстановка находятся в гармонии так, чтобы ничего не резало глаз и читатель мог полностью погрузиться в историю, забывая, что впереди грандиозный финал. Это замечательно». – Хорди Валеро, Interrobang

Содержание

1	6
2	10
3	17
4	25
5	31
6	44
7	52
8	62
9	65
10	73
11	87
12	96
13	107
14	120
15	122
16	131
17	138
18	146
19	158
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Ибон Мартин

Танец тюльпанов

Ibon Martin

La danza de los tulipanes

© 2019, Ibon Martin

© FOTOGRIN / Shutterstock.com

© Никишева К., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

1

Пятница, 19 октября 2018

Прежде чем закрыть двери, Санти в последний раз бросил взгляд в зеркало заднего вида. На платформе никого не осталось. Последние дома Герники быстро остались позади. Перед его глазами, вдоль извилистой дороги, тонкими линиями были намечены очертания холмов. То тут, то там были разбросаны одинокие фермы, добавлявшие красные и белые штрихи в пейзаж. Это был прекрасный и безмятежный мир, где то и дело мелькали синева моря и бледно-желтые заросли осоки.

Рыбак с плетеной корзиной на плече и сигарой в зубах ждал, когда поднимут шлагбаум, чтобы продолжить путь. Санти легонько нажал на гудок локомотива в знак приветствия, и мужчина поднял руку в ответ. Чуть дальше из ухоженного сада виднелась женщина с округлыми бедрами, которая подняла голову, чтобы взглянуть на поезд. Машинист вообразил, как она осматривала вагоны в поисках знакомого лица. Это неизбежно: здесь все друг друга знали.

– Спасибо, – пробормотал Санти себе под нос.

После двадцати двух лет работы машинистом в метро Бильбао компания наградила его, переведя на линию Урдаибай. Не нашлось еще линии настолько чудесной и спокойной. После темных туннелей под городом и суеты на платформе

в час пик одиночество этой линии, пролегающей между болотами и спящими деревнями, действовало как бальзам на душу.

Санти глубоко вздохнул. Он почувствовал, что жизнь улыбнулась ему.

Ему нравился этот край – здесь все до сих пор подчинялось природному ритму. На дворе XXI век, а жизнью в Урдайбае по-прежнему командовали приливы и отливы. Именно они вычерчивали контуры карты, где гармонично сочетались море и суша.

Под легкое дребезжание поезда мысли Санти перенеслись к дому. Похоже, дела улучшаются. У них с Наталией были трудные времена, но все возвращалось на круги своя. И скоро их ждет серебряная свадьба: нужно будет подумать, как это отпраздновать.

Дорога снова потребовала его внимания. Черный как ночь баклан пролетел над поездом и нырнул в зеленые воды, которые теперь простирались вдоль старой железной дороги. Секунду спустя птица появилась с серебристой рыбой в клюве и подбросила ее в воздухе, словно надеясь на аплодисменты редких пассажиров.

Наталии бы это понравилось. На мгновение Санти представил, как она сидит рядом с ним в поезде. Это против правил, но разок же можно. Жена это заслужила, и он тоже – не зря же он двадцать два года провел в недрах большого города. Что могло объяснить это лучше, чем красота, которую он

ежедневно созерцал, управляя региональным поездом?

Наталия... Наталия... В его жизни не было ничего важнее. Ему больше некого любить – детей у них нет. Последний ухаб на дороге пройден, и теперь можно снова мечтать о том, как они состарятся вместе. Ее взгляд, ее улыбка...

Ее облик появился по другую сторону стекла, сливаясь с пейзажем. Она, конечно, улыбалась. Ей нравились его планы.

Видение было настолько правдоподобным, что пришлось моргнуть, чтобы вернуться в реальность.

Когда он открыл глаза, Наталия была все еще там, она сидела на стуле посередине пути.

Санти перевел взгляд на ее губы и понял, что она не улыбалась. Она кричала. Кричала изо всех сил, и, несмотря на шум поезда, машинисту удалось это слышать.

Все произошло очень быстро, хотя в сознании Санти это происходило в замедленной съемке. Поезд неумолимо поглотил разделяющее их расстояние.

– Нет! Наталия, нет! Уйди оттуда! – вопил машинист, держа рычаг аварийного тормоза.

Пронзительный металлический скрежет, поезд резко дернулся. Через дверь донесся жалобный стон какого-то пассажира – резкая остановка застала его врасплох.

Взгляд Санти был прикован к жене – в ее глазах читался невероятный ужас, отражение его собственного. Слишком поздно. Поезд не сможет так резко остановиться. Наталия

была обречена.

– Уйди с дороги! – умолял ее Санти, вскидывая руки к лицу. Голос у него был си́плый и надсадный. – Прочь! Давай же!

Бесполезно. Веревки, которыми она привязана к стулу, не позволили ей двигаться. Ей оставалось лишь кричать. Кричать и ждать, пока поезд ее мужа завершит свой путь.

2

Пятница, 19 октября 2018

– Ты готов? Зрелище не самое приятное, – предупредила Хулия, дернув ручник.

Рауль на пассажирском сиденье поморщился. Происшествия на железной дороге особенно неприятны. Поезда безжалостны к человеческому телу, когда встречают его на своем пути.

Капли на лобовом стекле были окрашены в голубой – цвет огней патрульной машины, которая защищала место происшествия от любопытных глаз. Прежде чем выйти из машины, двое полицейских обменялись смиренными взглядами. Они знали, что им предстоит: обойти железную дорогу в поисках улики и останков. И, конечно же, самое главное на тот момент: опознать жертву и уведомить родственников. И без того нелегко постучать в дверь и сообщить о смерти близкого человека, но сообщить о возможном самоубийстве будет еще мучительнее. Как объяснить кому-то, что его ребенок, сестра или муж выбрал путь, из-за которого всю семью поглотит неизбежное и труднопреодолимое чувство вины?

Хулия ощутила на лице капли дождя. Зима пришла рано. Куда подевался ветер с юга, обычный для этого времени года? Хорошо хоть, подумала она, глядя в небо, что до заката еще пара часов. Пусть свет серый и неяркий, но это все равно

свет. Столкнуться с ужасной картиной при свете дня и при свете фонарей – это не одно и то же.

– Тут у нас муж. Он безутешен, – сообщил патрульный, охраняющий полицейский кордон.

– Муж? – переспросила Хулия, морща лоб. – Кто ему сообщил?

– Никто. Он был здесь, когда мы приехали. Он тот самый машинист.

Хулия и Рауль, оба в штатском, как принято в отделе расследований, озадаченно переглянулись. Зачем бросаться именно под тот поезд, которым управлял твой муж? Пригнувшись, они прошли под сигнальной лентой, ограждающей место преступления, и направились к машинисту. Одетый в форму «Эускотрен», он рыдал навзрыд, прислонившись к бетонной стене.

– Он наотрез отказывается идти с нами, – объяснил один из санитаров, присматривающих за ним.

– Наталия... Почему она? Наталия... – бормотал машинист. Белый пригородный поезд на узкоколейной железной дороге в нескольких шагах от него оставался равнодушным к его стонам. В воздухе витал запах железа и ржавчины – безошибочный признак железнодорожных аварий.

Хулия положила руку ему на спину.

– Примите наши соболезнования. Мы понимаем, как вам сейчас нелегко. – Со стороны могло показаться, что это простая вежливость, но она на самом деле все это чувствовала.

Слова царапали горло, и ей тяжело было выговорить два слова подряд.

Машинист легонько кивнул и рукавом пиджака вытер слезы.

– Она сидела там. На середине пути, – указал он потерян-ным взглядом. – Кто...?

Его вопрос потонул в новом приступе рыданий.

– Ну же, пожалуйста. Вы должны поехать с нами, – настаивал медик «Скорой помощи».

С хвостовой части поезда подошел полицейский. Под его ногами хрустел щебень.

– Ее привязали к стулу, – сообщил он, показав правой рукой на другое запястье. – Здесь и за лодыжки.

При этой новости Хулия встрепенулась. Это все меняло. О самоубийстве можно забыть.

– Убийство, – пробормотала она сквозь зубы и перевела взгляд на напарника.

Рауль фотографировал поезд. Со своего места Хулия не видела переднюю часть, но ей нетрудно было представить кровавое пятно.

– Я не смог затормозить, – рыдал машинист.

– Где она? – спросила Хулия у полицейского, который принес новости.

– Там, метрах в восьмистах. Тело уцелело.

Бросив на него укоризненный взгляд за бестактность, Хулия повернулась к машинисту и сказала:

– Мы поймаем того, кто сотворил это с вашей женой.

– Я не смог затормозить вовремя. Не смог, – бормотал машинист.

– Пожалуйста, отправляйтесь с ними, – умоляла его Хулия, указывая на сотрудников «Скорой помощи». Рядом с ними прохаживались единственные семь пассажиров поезда, они заметно нервничали. Двое полицейских и несколько санитаров руководили эвакуацией. – Они позаботятся о вас. Мы побеседуем с вами, когда вам станет лучше.

Хулия подошла к месту аварии и набрала номер полицейского управления. Нужно предупредить Сильвию – психолога, которая обычно их сопровождала, и проинформировать семьи, чтобы она смогла поехать в больницу.

– Что, если это не ее муж? – отметил Рауль, приблизившись к ней.

Хулия понимала, что он имел в виду. Она тоже думала об этом. Из-за шока от столкновения человек мог не разглядеть лица жертвы и представить на ее месте кого-то близкого. Возможно, это именно та ситуация. Но едва ли это что-то меняло. Кто-то хладнокровно убил женщину на железнодорожных путях.

– Мы скоро узнаем, – вздохнула Хулия, представляя, как все было. Грохот приближающегося поезда, дрожь путей, ощущение, что ты связана по рукам и ногам, и беспомощное ожидание, пока этот железный зверь не сметет тебя на своем пути. – Это был настоящий кошмар для женщины.

– Для Наталии, – уточнил Рауль, припоминая слова машиниста.

– Скоро узнаем, она ли это. – Хулия помахала рукой патрульному, охраняющему труп.

– Тело уцелело, – сказал он им вместо приветствия.

– Да, нам уже сказали, – перебила его Хулия, склонившись над трупом. При столкновении стул развалился на несколько частей, но тело жертвы избежало этой участи, хотя последствия аварии очевидно прослеживались на ее лице и других частях тела.

– Повезло, – сказал Рауль.

Хулия нахмурила брови: в правой руке жертва сжимала цветок. Пара лепестков облетела, но его нельзя не узнать. Это был тюльпан. Красивый красный тюльпан, который почти слился с кровью, залившей джинсовую куртку убитой.

– Как странно, – пробормотала Хулия. – Она сжимала цветок с такой силой, что он даже при аварии не выпал из руки.

Дождавшись, пока Рауль сфотографирует тюльпан, Хулия потянула цветок за стебель. Необходимо упаковать его. Возможно, это улика.

– Приклеен. Проклятье, вот почему он не выпал... Его приклеили к ладони! – Она никогда не видела ничего подобного. Дрожь пробежала по всему телу. Придя в себя, она провела рукой по волосам жертвы, будто пытаясь вернуть ей тот вид, который был у нее до того, как ее жестоко лишили жизни. – Что они с тобой сделали? Кто привел тебя сюда? –

Она отрицательно качнула головой. Убитая уже не ответит.

Хулия вздохнула. Всего несколько часов назад она ката-лась на серфе по волнам в Мундаке и представить не могла, что этот день закончится так трагически.

– Судмедэксперт уже здесь, – сообщил Рауль.

Хулия не ответила. Она шагала вдоль путей в поисках места аварии. Между рельсов, там, где поставили стул, валялся красный лепесток. Нужно забрать его в качестве улики.

– Что это там? – спросила она внезапно. К одному из столбов контактной сети простой клейкой лентой было примотано что-то золотое.

Подойдя ближе, она увидела уменьшенную копию себя. Обнаружение собственной гримасы на экране мобильного телефона озадачило ее. Сигнал записи был включен.

– Какого черта...?

– Сумочка у меня, – сообщил Рауль, приближаясь к ней. – Что это? Что там делает телефон?

Хулия его даже не слушала. Она в ужасе уставилась на экран устройства.

Из оцепенения ее вывела знакомая мелодия – зазвонил мобильный. Хулия механически достала его из кармана и приложила к уху.

– Что случилось?

– У нас есть новости. – Это из полицейского управления. – Преступление транслировалось в прямом эфире на «Фейсбуке». Вся Герника шокирована.

Хулия медленно кивнула. Она потянулась рукой к кнопке, чтобы остановить трансляцию. Затем сняла клейкую ленту и положила телефон в пакет для улик. Она никогда не видела ничего подобного. Тюльпан, стул на середине путей, трансляция... Все это выглядело зловеще.

Рауль показал ей удостоверение личности.

– Похоже, это и в самом деле жена машиниста... Наталия Эчано, – прочел он вслух. – Шестьдесят первого года рождения. Ей пятьдесят семь лет.

Хулия бросила взгляд. Фотография казалась смутно знакомой.

– Наталия Эчано, – задумчиво повторила она. Где-то она уже слышала это имя. – Черт, ну конечно, это же та самая, с радио...

– Ого! С «Радио Герника»!

Наталия Эчано – не кто-то там. Она знаменитая журналистка, ведущая утренней программы – самой рейтинговой в Гернике и ее окрестностях. Хулия фыркнула. Пресса будет следить за каждым их шагом и то и дело спрашивать, как продвигается расследование. Это будет непросто.

– Отстой! – воскликнула она, шлепнув себя по лбу. Еще одна деталь, которая все усложнит. Во много раз.

3

Суббота, 20 октября 2018

Один оборот ключа – и дверь открылась. Ане недовольно фыркнула. Это означало одно – брат дома. Антони переехал сюда всего две недели назад, но кажется, будто с тех пор прошло уже много лет. До его приезда эта квартира с видом на площадь, которая вела от Пасай-Сан-Хуан к морю, была лучшим местом в мире.

– Спокойно, – сказала она себе.

После пяти лет жизни в одиночестве нелегко делить квартиру с кем-то. И хуже всего то, что она сама настояла на его переезде, узнав о постоянных ссорах брата с матерью.

Теперь она, конечно, жалела об этом.

Это непросто – когда возвращаешься усталой из полицейского управления, а дома на всю громкостью включен телевизор, где крутят очередной сериал от «Нетфликс»: Антони смотрит их запоем. И как это у него получается не выходить из дома целыми днями, проглатывать серию за серией и безостановочно курить? Он даже не может открыть окно, чтобы проветрить комнату от табачного дыма... Это если он курит табак, но если кошелек позволяет, он злоупотребляет косяками.

Сестеро тоже была молодой. Черт возьми, она все еще молода, и да, ей доводилось курить не только табак, но она, по

крайней мере, делала это на балконе, чтобы не мешать тем, кто живет с ней под одной крышей.

Она попыталась успокоиться, чтобы не скандалить, но стоило ей открыть дверь, как в лицо ударило облако дыма.

– Я вернулась, – крикнула она, прикусив язык, чтобы не сказать лишнего с самого порога.

– Как на работе? Слушай, тут пришли Ибай и Ману. Мы закажем пиццу на ужин. Если хочешь... – раздался голос брата из гостиной.

Сестеро поморщилась, снимая рабочие ботинки. Она подумала о родителях. Кажется, позвать брата к себе жить было не такой уж хорошей идеей. Ему всего девятнадцать лет, на девять меньше, чем Сестеро, а она жила в родительском доме до двадцати четырех.

– Ужинайте спокойно. Я схожу перекусить, – заявила она.

Спустившись по лестнице к выходу, она оказалась на площади. Свежий, насыщенный солью воздух пробрался сквозь ноздри и умиротворил ее. Олайя, одна из ее лучших подруг, если не самая лучшая, помахала ей рукой. Она сидела возле двери «Итсаспе», одного из баров на этой морской площади, докуривая самокрутку. Чуть поодаль еще одна неразлучная подруга Ане Сестеро, Нагоре, безостановочно жестикулируя, болтала по телефону.

– Я сыта по горло его присутствием в доме, – заявила Сестеро, подкрепив свои слова соответствующим жестом.

– Ну а я только рада, потому что теперь мы с тобой куда

чаще видимся, – смеясь, кивнула Олайя.

– Неправда, – запротестовала Сестеро, хотя знала, что подруга права. До того как Андони переехал, она иногда днями никуда не ходила после работы. Теперь же, наоборот, она каждый вечер спускалась в бар, чтобы избежать разговоров. Иногда она перехватывала сэндвич или что-то из закусок и поднималась домой прямо перед сном.

– И как долго он собирается оставаться? – спросила подруга.

Сестеро пожала плечами.

– Навсегда, полагаю. У него столько же прав жить здесь, как и у меня. Это квартира нашей бабушки, а не моя собственная. Хуже всего то, что раньше мы отлично ладили. Вплоть до того, что я сама предложила ему переехать.

Нагоре закончила болтать по телефону и подошла к ним.

– Я тебе уже рассказывала про субботу? – спросила она, ткнув Олайю кулаком в плечо.

Сестеро покачала головой.

– Только не говорите, что стоило мне разок не сходить на вечеринку, как я пропустила что-то важное.

Олайя залилась грудным смехом.

– Я целовалась с парнем.

У Сестеро отвисла челюсть.

– Да ну? И теперь ты в сомнениях?

– Еще чего...

– И? – Детектив горела желанием узнать больше. С тех

пор как в восемнадцать лет ее подруга начала встречаться с девушкой, она всегда предпочитала женщин.

Нагоре с веселым видом села рядом с Олайей.

– Было неплохо, – она раздраженно взмахнула рукой, – но эта сучка его у меня увела. Мы обе с ним болтали, и вместо того чтобы оставить его мне, она забрала его с собой. В любом случае...

– Ну мы кое-чем занимались... Но вы не хотите знать подробности. Сплетни!

– И ты теперь бисексуалка?

– Ни за что. Выбирая между женщинами и мужчинами... Это было приключение на одну ночь. В первый и последний раз.

Нагоре подмигнула Сестеро.

– Тем лучше для нас, да? Так она нас не бросит.

Детектив громко рассмеялась. Она права. На каждой вечеринке именно Олайя притягивала все взгляды. В генетической лотерее ей достался главный приз. Ей не нужны пробежки и диеты – платья облегают ее фигуру как перчатка. Однако Сестеро несколько не переживала из-за несоответствия модельным параметрам. Пусть она не вышла ростом, да и волосы у нее раздражающе вьются, она уверена в себе – особенно с тех пор, как открыла для себя утюжок для выпрямления волос.

– Ты поменяла его, да? – Олайя указала на колечко, которое Сестеро вечером вдела в правую ноздрю.

– Ага. Звездочка надоела. Я носила ее почти два года.

– Очень круто. Мне так больше нравится. И кольцо в брови тебе очень идет... С пирсингом и татуировкой дракона ты выглядишь отпадно. Если бы я была по девочкам, я бы с тобой замутила, – пошутила Нагоре, подмигнув Олайе.

Сестеро снова рассмеялась, проведя рукой по татуировке на шее.

– Почему ты все время говоришь, что это дракон? Это Сугаар, супруг богини Мари, почитай хоть что-нибудь из баскской мифологии!

– Да знает она, что это Сугаар. Просто хочет тебя позлить, – отметила Олайя, отсмеявшись. – Ты нам раз восемьдесят это повторяла!

Сестеро толкнула дверь бара.

– Идемте, выпьем пива. Хватит с меня вашей игры в стилистов.

– Вообще-то я только что собиралась сказать, как мне нравятся твои прямые волосы, – подхватила Олайя, положив руку ей на плечо.

– А мне и с кудряшками ты нравишься, – заявила Нагоре.

– Боже, как вы мне надоели. Хватит уже. Олайя, есть новости насчет группы? – спросила детектив. Где то рвение, с которым они организовали группу «Ламии» два года назад? Она только что оправилась от травмы запястья, полученной во время скалолазания, и ей не терпелось взять в руки барабанные палочки и сесть за ударную установку. Пальцы, на-

верное, уже отвыкли.

– Еще ничего не ясно, но я почти подписалась на два концерта, – ответила Олайя и вскинула палец в качестве предупреждения. – Нам нужно много репетировать, чтобы не выглядеть нелепо, как в прошлый раз. Не понимаю, как нас не вышвырнули из «Де Сине Рейна».

– Правда? Два? Да это больше, чем за весь прошлый год, – обрадовалась Нагоре.

– В два раза, – рассмеялась Сестеро. – Ну и когда репетируем?

Не успела она закончить вопрос, как зазвонил телефон.

– Не поднимай трубку! Вечно тебе звонят в нерабочее время. Суббота же!

– Вдруг это не по работе, – возразила детектив, вытаскивая телефон из кармана. Однако при виде номера на экране она извинилась перед подругами и вернулась на площадь, чтобы избежать любопытных ушей.

– Ане Сестеро, – ответила она, прижав мобильный к уху. Возможно, новости хорошие. Например, арестованный решил сознаться.

– Ане Сестеро, – смеясь, передразнили ее подруги. Они всегда насмехались над тем, что она отвечает на звонки как в американских фильмах.

– Как ты, Сестеро? Это Мадрасо. Ты дома? – раздался голос начальника.

Детектив перевела взгляд на освещенный зелеными луча-

ми фасад здания в сумерках. Мерцающий синий свет, пробивавшийся из окна гостиной, означал, что кто-то смотрит телевизор.

– Более-менее, – сказала она, поморщившись. – А что? Есть какие-то новости? Он заговорил?

– Нет. Он все еще полон решимости молчать. Этот придурак скорее окажется на скамье подсудимых, чем мы услышим от него хоть слово. – Повисла пауза, и Сестеро задалась вопросом, зачем же звонит Мадрасо. – Надеюсь, ты не против сменить обстановку. В понедельник ты едешь в Гернику.

Сестеро нахмурилась.

– В Бискайю? Это вне зоны нашей юрисдикции.

– Именно поэтому ты и едешь.

– Ты точно не мастер объяснений.

– Знаю. Приходи в управление, и я все расскажу.

– Сейчас?

Олайя вышла из бара и подняла руку, привлекая внимание Сестеро.

– Тебе заказать пива? А то от болтовни во рту пересохнет.

Детектив покачала головой, и подруга, бросив на нее недовольный взгляд, вернулась в бар. Ее постоянно упрекали за то, что она не может отвлечься от работы и просто выпить с ними пива.

– Прямо сейчас. Это срочно, – настаивал Мадрасо.

– И нельзя рассказать по телефону? Мы с девчонками собирались немного выпить.

Начальник помедлил.

– Ты наверняка слышала о происшествии на железной дороге. Машинист переехал собственную жену...

– Конечно. Все только об этом и говорят.

– Ну нас ждет разговор на эту же тему. Давай приходи как можно скорее. Ты же не думаешь, что я от нечего делать сижу здесь в свободное время?

Сестеро посмотрела в сторону моря, а затем ее внимание привлекла байдарка, плывущая рядом с доками Анчо. В темноте с трудом можно было разглядеть ритмичный взмах весел. День пошел на убыль, и ночные тренировки в порту стали привычным явлением.

– Дай мне час.

– Хорошо бы уложиться в полчаса.

Вздыхнув, Сестеро убрала телефон. Ей необходим бокал холодного пива.

– Не говорите, что ничего мне не заказали, – пошутила она, заходя в бар.

Суббота, 20 октября 2018

– Тридцать семь минут... Спасибо, Ане.

Мадрасо сидел в своем кабинете. Закрыв дверь, Сестеро села на один из двух стульев перед столом. Никаких приветственных поцелуев. Они приятели, начальник и подчиненная, а все остальное уже в прошлом.

– Олайя и Нагоре вздернут тебя при первой же встрече, – бросила Сестеро в притворном гневе, постучав пальцем по столу. – Я даже пива с ними не могу спокойно выпить...

– Да брось. Кроме того, меня они любят больше, чем тебя, – пошутил начальник.

У него все еще пронзительные черные глаза. И челка, потрепанная морской солью и солнцем. Это от серфинга – так же как постоянный загар и мускулы, вылепленные волнами.

– Ну, рассказывай. Вряд ли ты позвал меня сюда для того, чтобы поболтать о моих подругах, – сказала Сестеро, борясь с желанием встать и подойти к нему.

Ей не впервые приходилось сдерживаться. Мадрасо все еще привлекал ее. И она знала, что это чувство взаимно. Это были почти два насыщенных года. Все начиналось как игра, но, увы, в конце все стало по-другому. Возможно, тому виной разница в возрасте. Сестеро было двадцать восемь, когда они расстались, а ему, ее начальнику, почти сорок. Ее устра-

ивало отсутствие обязательств. Секс, концерты, тайны... Все было отлично, пока он не захотел большего.

Сестеро и слышать не хотела о планах на будущее и совместной жизни. Так все и закончилось. В ее ушах до сих пор отдавались эхом упреки Олайи и Нагоре за то, что она бросила такого прекрасного мужчину.

Мадрасо подвинул к ней листок бумаги. На нем была нарисована какая-то схема, похожая на перевернутое дерево. Над схемой была напечатана незнакомая аббревиатура: ОРОП.

– Что это? И почему здесь значится мое имя?

– С сегодняшнего дня тыходишь в Отдел по расследованию особых преступлений. Вернее, не простоходишь... Ты его возглавляешь.

Сестеро с недоверием уставилась на начальника. Он уже несколько недель говорил об этом проекте. Особое подразделение, которое будет расследовать серьезные или громкие преступления. Это казалось просто идеей, но теперь она явно претворялась в жизнь.

– И преступление в Гернике – наше первое дело?

– Именно. Смерть Наталии Эчано стала последним толчком к созданию группы, которой ты будешь руководить.

– Потому что жертва – известная журналистка?

– В какой-то мере да. Или это предлог. Наталия была не только известной радиоведущей – она была любовницей начальника полиции в Гернике. Именно поэтому мы не можем

доверять ни ему, ни его подчиненным.

Сестеро нахмурилась.

– Я читала, что журналистка состояла в браке.

– И он тоже. Однако они давно состояли в связи и, видимо, не особенно скрывались, раз все управление в курсе.

Сестеро снова перевела взгляд на лист бумаги. При виде собственного имени на вершине схемы у нее закружилась голова. Не то чтобы в отделе было много сотрудников. От ее имени отходили три стрелки. И имя только одного из будущих подчиненных было ей знакомо.

– Айтор Гоэнага, – прочла она вслух. Если бы она набирала команду сама, он был бы первым, возможно даже единственным, о ком она бы подумала. – А кто остальные?

– Ты разве не слышала о Чеме Мартинесе из Бильбао?

– Он же вроде в Интерполе?

– Недавно вернулся. Толковый парень, правда, немного заносчивый. Не реагируй на него. Ты стоишь выше. Здесь ты начальник.

Сестеро уставилась на стену перед собой, где крохотный серфингист покорял огромную волну. В животе стало щекотно. До тех пор она никогда не командовала расследованием. Однако этот день когда-то должен был настать, и ее недавнее повышение в должности до сержанта предусматривало такую ответственность.

– А четвертый? – Она посмотрела на бумагу. – То есть четвертая. Хулия Лисарди. Кто она?

– Детектив из Герники. По слухам, она хороша. В прошлом году раскрыла дело об убитых водолазах. Мне ее рекомендовали. И кажется, она своя – тоже серфингистка.

Сестеро кивнула. Было разумно позвать в команду кого-то из местных. Легче будет передвигаться на местности и проще будет влиться в работу того полицейского участка.

– Кто набирал команду? – спросила Сестеро.

– Я. Двое из Бискайи и двое из Гипускоа, чтобы никого не обидеть, ну ты поняла.

Сержант кивнула. Вечно это проклятое географическое равновесие.

– Из Витории никого, – заметила она.

Мадрасо пожал плечами и промолчал. Но Сестеро и так знала ответ. Те никогда не возмущаются.

– Мы отчитываемся перед Эрандио или здесь? – спросила она, подразумевая главные полицейские управления Бискайи и Гипускоа.

– В первую очередь передо мной. У нас больше опыта в таких делах, поэтому мне и доверили организацию. Этот отдел будет собираться, только если того требуют обстоятельства. В отсутствие нераскрытых преступлений вы будете подчиняться каждый своему управлению.

– То есть мы будем встречаться, когда кто-то совершит гнусное преступление?

Мадрасо кивнул.

– Убийство со множеством жертв, серийные убийства, из-

вестные жертвы... В общем, дела, которые вызывают общественный резонанс.

Сестеро фыркнула. Звучало так себе. Резонанс – это пресса, пресса – это давление. Нужно суметь сохранять хладнокровие в таких обстоятельствах.

– Кто такая Сильвия? – спросила она, заметив последнее имя.

– Психолог. Ее выбрали бискайцы. Обычно она с ними сотрудничает. Она отлично умеет составлять психологические портреты. Сильвия поможет вам лучше понять мышление убийцы.

– Думаешь, это был комиссар?

Брови Мадрасо исчезли под его светлой челкой.

– Олайсола? Надеюсь, что нет. Но ты это выяснишь, я уверен. Не думаю, что он встретит тебя с красной ковровой дорожкой. Он не смирится с таким вторжением в его владения, не говоря уже о его возможной причастности к этому делу.

Сержант снова смотрела на плакат с изображением волны. Внезапно ей показалось, что она вот-вот накроет ее с головой.

– Когда мы приступаем?

– В понедельник. В девять тебя ждут в Гернике. И скажу еще кое-что... Регион сильно взволнован. Помимо всего прочего, тебя ждет внимание прессы. Обращайся с ними тактично, если не хочешь неприятностей.

Сестеро встала. Несколько мгновений она колебалась.

Стоит ли поблагодарить его за доверие или хлопнуть дверью за то, что усложнил ей жизнь всего за несколько минут?

– Спасибо... – пробормотала она в конце концов.

Мадрасо отмахнулся.

– Ане, – позвал он ее, когда она уже выходила. Положив ладонь на ручку двери, она обернулась. – Покажи им, что ты лучшая. Тебе припомнят, что ты встречалась с начальником. Кто-то обязательно скажет, что это место тебе подарили... Шли их всех к черту. Никто лучше тебя не справится с этой работой. Это твой шанс доказать это всем. Воспользуйся им.

Понедельник, 22 октября 2018

Без одной минуты девять Ане Сестеро и Айтор Гоэнага вошли в полицейское управление Герники. Сестеро не припоминала такой пунктуальности когда-либо, но когда едешь вместе с коллегой в одной машине, опаздывать нельзя. Ей пришлось встать на час раньше, чтобы избежать пробок.

Откинув капюшон плаща, Ане натянула улыбку и протянула удостоверение личности полицейскому у приемной стойки. Айтор показал свое.

– *Egun on*¹. Нас ожидают.

Мужчина вяло кивнул, снял трубку и набрал внутренний номер.

– До конца коридора и направо, – сказал он в ожидании ответа и указал рукой направление. – Хулия, здесь детективы из Гипускоа... Да, они сейчас подойдут... Не за что.

Они прошли вниз по коридору, навстречу им вышла женщина. Мелированные пряди обрамляли слишком угловатое на первый взгляд, но приятное лицо. Она походила на спортсменку, хотя, возможно, такой эффект производили прямые плечи. Лет сорок? Может, чуть меньше, но около того.

¹ Доброе утро (*баск.*).

– Сержант Сестеро, агент Гоэнага? – Протянутая рука была холодной. – Добро пожаловать в Гернику. Я агент Лисарди, Хулия Лисарди.

Знакомство и вежливые расспросы о дороге заняли несколько мгновений. Лицо Хулии внезапно омрачилось. Она понурила голову и съежилась. Не успела Сестеро задаться вопросом, что случилось, как ответ ей подсказал голос за спиной.

– Я что-то пропустил? – спросил новоприбывший.

Хулия покачала головой.

– Это сержант Чема Мартинес, – сообщила она, приблизившись, чтобы поцеловать его в щеку. – Как жизнь, Чема?

Полицейский выдавил из себя улыбку.

– Не так хорошо, как твоя... Отлично выглядишь, – сказал он, не глядя на нее, а затем повернулся к Ане и Айтору. – Вы, видимо, из Гипускоа.

– Сержант Сестеро и агент Гоэнага, – представила их Хулия.

– Айтор. Прошу, зовите меня Айтор.

Чема внимательно посмотрел на Сестеро. Особенно его заинтересовали татуировка на шее и пирсинг носа и брови.

– Не слишком ли ты молода для этой должности?

Она сразу поняла, что это не комплимент.

– Это говорит о том, что я очень хороша в своем деле, – отрезала она, решив, что не позволит ему подрывать свой авторитет. Почему они не задумываются, что, возможно, это

благодаря ей Мадрасо занимает сейчас свою должность? На его месте мог оказаться кто-то другой, если бы не мастерство Сестеро в распутывании самых сложных дел.

Чема выдавил улыбку. Ему было около сорока пяти лет, на пятнадцать больше, чем Сестеро, шею обвивал туго затянутый галстук. Возможно, так принято одеваться в Интерполе, но здесь, в независимом полицейском управлении Страны Басков, это выглядело странно.

– Можем начинать работу. Давайте я подытожу, что мы знаем, – вмешалась Хулия. Время знакомства закончилось.

– Известная и влиятельная журналистка, которая нажила себе столько врагов, сколько жителей проживает в Гернике... – заметил Чема, поставив чемодан на пол. – Здесь есть кофемашина?

Хулия бросила взгляд на пустую нишу в коридоре.

– Сломалась несколько месяцев назад, и ее так и не починили. Теперь мы ходим в кафе. Так даже лучше, немного общения вне этих стен.

Сестеро почти его не слушала. Было что-то в этом деле, что беспокоило ее с тех пор, как она узнала о случившемся...

– Мог ли муж посадить ее на рельсы и вернуться в поезд?

– Муж? – Хулия казалась сбитой с толку. – Я была рядом с ним на месте преступления. Он был в состоянии шока. Поезд не успел остановиться. Он никогда не сможет забыть то, что случилось прямо у него на глазах.

Сестеро это не убедило.

– Ходят слухи, что Наталия была ему неверна. Мы не можем исключить того, что муж мог ей отомстить. Конечно, тогда он должен был подготовить железное алиби. Нужно проверить, что он делал за несколько минут до инцидента. Не было ли подозрительных остановок? Это должно быть где-то записано.

Айтор откашлялся, чтобы привлечь внимание. Он не привык перебивать.

– Прямая трансляция с места преступления предполагает месть. Журналистка могла кого-то публично унижить в своей программе, и этот человек решил публично убить ее.

Пока он говорил, его лицо начало краснеть. Кого-то это могло удивить, но не Сестеро. Это было типично для Айтора, которому даже на пятом десятке удалось сохранить красивое, молодое лицо. Две милые ямочки в уголках рта, несомненно, усиливали это впечатление.

– Охота на ведьм образца двадцать первого века, – добавила Сестеро. В баре, где они утром остановились выпить кофе, все только об этом и говорили. Казалось, вся Герника была свидетелем случившегося. Люди не на шутку разволновались. – Мы можем посмотреть запись?

– Вы обязаны ее посмотреть, – поправил Чема. – Я уже распорядился, чтобы ее изучили кадр за кадром, чтобы ничего не упустить. Хулия, у тебя она есть?

Детектив кивнула и подозвала всех к компьютеру. Отдел расследований в управлении выглядел так же, как в любом

другом полицейском участке. Три больших стола по четыре рабочих места. Хулия села за одно из них и повернула монитор к коллегам.

– Вы будете работать здесь, – сказала она, указав на три оставшихся места за столом. – Мы тут все убрали, чтобы вы могли спокойно расположиться.

Первый кадр – непосредственно изображение жертвы, сидящей посреди путей. Сначала Наталия казалась сонной, возможно, под действием наркотиков. Но всего пару мгновений спустя начались отчаянные попытки освободиться. Стул подпрыгивал на рельсах, рот журналистки распахнулся в громком вопле, поэтому Хулия поспешно убавила звук. Синева вод реки Мундаки, сердца природного заповедника Урдайбай, проглядывала сквозь деревья, обрамлявшие сцену. Декорации, которым впору было очаровать любого режиссера.

С каждым новым криком пульс Сестеро учащался. Будто в кино, она надеялась, что какая-нибудь неожиданность нарушит спланированное до мелочей преступление: стул сдвинется с пути поезда или у Наталии получится распутать удерживающие ее веревки.

– Как жестоко, – пробормотала она.

– Что за сукин сын, – добавил Айтор, отводя взгляд от экрана.

– Или дочь, – уточнила Хулия.

– Нет. Ставлю на мужчину. Мы, женщины, не убиваем с

такой жестокостью. Мы более утонченные. Наше оружие, к примеру, яд... – поправила ее женщина, чье появление никто не заметил. Она была маленького роста, как Сестеро, и худой, как подросток, хотя ей явно было уже за тридцать. – Я Сильвия, психолог, – представилась она, пожимая руки.

– Всегда найдутся исключения, – заметила Сестеро, уставившись на ярко-красный тюльпан, приклеенный к жертве. Тревожная картина. Нежность цветка посреди всего этого ужаса.

Внезапно в динамиках послышалось дребезжание поезда. Лицо Наталии исказилось еще сильнее: она осознала, что обречена.

– А вот и муж, – проговорила Хулия. Настойчивый гудок поезда почти полностью перекрывал крики.

Все произошло очень быстро. Состав появился в кадре и устремился к жертве. Экран заполнился цветами поезда, из динамиков послышался скрежет тормозов. А затем – только рельсы. Рельсы и лепесток тюльпана, покачивающийся на ветру. Ничего больше – только гробовая тишина и одиночество смерти.

Несколько секунд полицейские были не в силах заговорить. Будто когти сжимали горло Сестеро. Она многое повидала за пять лет работы детективом, но такого не видела никогда.

– Наверное, она сильно мучилась. – Голос Хулии дрожал. Сестеро медленно кивнула. Лепесток все еще танцевал

среди путей.

– Сколько человек видели это видео? – сказала она, когда к ней вернулся голос.

– Сто восемь тысяч. Соцсеть удалила его уже через сорок минут, но к тому времени это было самое просматриваемое видео во всей стране, – объяснил Чема.

Сестеро с отвращением фыркнула. Весь этот нездоровый интерес. Просто ужасно.

– Мы ищем кого-то очень опасного. Вы же понимаете?

– Что говорит отчет судмедэксперта? – перебил ее Чема.

Взяв со стола коричневую папку, Хулия открыла ее.

– Множественные травмы. Сплошные переломы, включая висок и затылок. Она погибла на месте. Мы ждем результаты токсикологической экспертизы, но нет никаких сомнений в том, что она была под действием наркотических веществ, – подвела итог Хулия.

– Да по видео же все ясно. Она была без сознания, когда ее там оставили, – заявил Чема.

– Возможно, убийца был не один. Нелегко провернуть такое в одиночку, – предположила Хулия.

Параллельно с этим она снова нажала на кнопку воспроизведения. При повторном просмотре крики шокировали не меньше.

– Больше напоминает психопатический тип мышления. Это хладнокровный и расчетливый одинокий волк. Не забывайте, сколько всего ему нужно было учесть. Например, сме-

ну машиниста. Он ведь выбрал не первый попавшийся поезд, – вставила Сильвия.

– Отлично подмечено. Подпишусь под каждым словом, – заявила Сестеро. Она оценила сообразительность Сильвии.

– Я на вашей стороне. Одиночка, движимый ненавистью, – подхватил Айтор.

– Твоя начальница ни слова не сказала о ненависти, – поправил его Чема.

Сестеро прикусила язык, чтобы не ответить. Что за тема с *твоей начальницей*? Чема что, не считает ее начальницей всей группы? Существование двух сержантов в одной команде будет делом не из легких, особенно если во главе ее стоит женщина. Печально, но Сестеро уже сталкивалась с подобным, и Чема, кажется, не станет исключением.

– А что насчет цветка? – Сестеро обратилась к Сильвии.

– Это не просто автограф. Тюльпаны олицетворяют порядок, это цветы, где практически нет вариаций, у них всегда шесть лепестков. Вы никогда не найдете две одинаковые розы или две хризантемы, в отличие от двух тюльпанов. Этот кто-то очень последовательный.

– Это усложнит нам задачу. – Чема прищелкнул языком. – Чем тщательнее он все спланировал, тем меньше остается ниточек, за которые мы можем потянуть.

Кивнув, Сильвия продолжила:

– А еще, и, возможно, это заинтересует нас больше, тюльпан – это цветок, который символизирует горечь разбитого

сердца или предательской дружбы.

– Ты хочешь сказать, что тот, кто привязал Наталию посреди путей, мог быть ее бывшим любовником? – Сестеро тут же подумала о начальнике полиции.

– Или забытым другом, или сумасшедшим, на чью любовь журналистка не ответила... – возразила Хулия.

Айтор негромко откашлялся.

– Может, он пытается передать послание. В семнадцатом веке были популярны картины, напоминающие созерцателю о том, что все эфемерно. Жизнь коротка, и рано или поздно мы все умрем. Тюльпаны были неотъемлемой частью этих картин.

– Какой ужас! – воскликнула Хулия.

– Ну это искусство с назиданием, – начал оправдываться Айтор. – В Музее изобразительных искусств Бильбао есть отличные образцы фламандской школы.

Нахмурившись, психолог кивнула.

– Тогда перед нами убийца, для которого важна эстетическая и символическая ценности его подписи.

Сестеро едва слушала их, ее разум лихорадочно работал.

– Как часто поезда проезжают мимо места преступления? – спросила она.

– Состав, двигавшийся в противоположном направлении, прошел там за двадцать две минуты до столкновения, которое случилось на второй минуте трансляции. То есть у убийцы было двадцать минут на то, чтобы все подготовить: стул,

мобильный телефон... – ответила Хулия, сверившись с записями.

Как только поезд вторично переехал Наталию Эчано, Сестеро выключила видео.

– Нельзя просто сидеть тут и все утро пялиться на экран. Пора взяться за дело. Мы знаем, откуда он ее забрал? Где ее видели в последний раз?

Хулия покачала головой.

– Нужно поговорить с ее мужем и коллегами с радио, – предложил Чема.

– И осмотреть ее дом. Возможно, там мы найдем что-то подозрительное. А еще ее почту, социальные сети... – добавила Сестеро. – Айтор, ты отправишься на «Радио Герника». Поройся в ее бумагах. Выясни, не было ли у нее врагов. Не только в последнее время, но и в прошлом: вдруг открылись старые раны. Хулия, ты поговоришь с мужем. Мы с Чемой покопаемся в личной жизни.

– В чьей личной жизни? – слышалось за спиной Сестеро.

Прикусив губу, детектив, как и все остальные, повернулась на голос. Она знала, что этот момент наступит, с того самого момента, как вошла в полицейское управление, но не ожидала, что он наступит так скоро.

– Луис Олайсола, комиссар Герники. Добро пожаловать. Надеюсь, вы почувствуете себя у нас как дома, – представился он, протянув руку всем, кроме Хулии и Сильвии. Их он

видел каждый день.

Приветливое круглое лицо здорового цвета, широкая лысая голова. Сестеро подумала, что он похож на Олентцero – сказочного угольщика, который приносит баскам рождественские подарки. Но внешность обманчива: он явно был не рад их появлению. Их присутствие означает неприятное ограничение его власти со стороны вышестоящего начальства. То же самое должны были чувствовать и полицейские, которые беззастенчиво наблюдали за этой встречей со своих рабочих мест в заднем ряду.

– Спасибо. – Сестеро заставила себя улыбнуться. Ей не понравился слишком добродушный тон комиссара.

Она отвернулась к своей группе, остальные просто кивнули.

Комиссар слегка дотронулся до плеча Сестеро, привлекая внимание.

– Я знаю, почему вы здесь. Свежеиспеченный Отдел по расследованию особых преступлений... – Внезапно его лицо утратило всякий намек на добродушие. – У нас с Наталией была интрижка. Я не могу отрицать этого. Герника слишком маленькая, а мы были недостаточно осторожны. Но мы давно расстались. В последние несколько месяцев у нас были нормальные отношения, но не более того. Очень прошу вас не копаться в этом. К ее смерти я не имею никакого отношения. Я первый, кто оплакивает ее и хочет, чтобы дело было раскрыто как можно скорее.

– Почему ее убили? – напрямик спросила Сестеро.

Олайсола с грустным видом поджал губы и покачал головой.

– Я думал об этом, – ответил он. – В последнее время она много выступала против рыболовов-браконьеров, которые под покровом ночи ловили в заливе моллюсков без лицензии. Мы то и дело устраивали облавы, но это сложно, в Урдайбае полно закоулков, где можно скрыться... Хотя, по правде говоря, мне трудно поверить, что за таким жестоким убийством может стоять несколько килограммов ракушек.

Сестеро была согласна. Выбор поезда, которым управлял муж жертвы, как орудия убийства предполагал личный мотив.

– Есть еще наркоторговцы, – заметила Хулия, на что комиссар тут же покачал головой. – В своей программе убитая сообщала, что в нашем районе действует сеть сбыта наркотиков.

– Мы много раз перехватывали лодки, которые предположительно должны были перевозить наркотики, но не обнаружили ни грамма, – перебил ее комиссар. – Я пришел к мысли, что единственной причиной этих слухов в ее программе было желание испортить мою репутацию.

Сестеро медленно кивнула. Она взвешивала в уме две версии: отвергнутый любовник против банды наркоторговцев. Обе вполне подходили под столь ужасно продуманное преступление. Однако что-то все равно не сходилось.

– Разве не вы только что сказали нам, что ваши отношения с жертвой были нормальными?

– Ну это фигура речи, – признал комиссар. – И давай, пожалуйста, перейдем на «ты». Мы все здесь на одной стороне.

– Как долго вы были вместе? – спросил Айтор.

– Мы с Наталией? Не знаю. Пару лет, может, больше.

– А что стало причиной разрыва?

Олайсола оглянулся вокруг, чтобы убедиться, что никто их не подслушивал. Очевидно, разговоры о себе доставляли ему больше неудобств, чем разговоры о моллюсках.

– Личные обстоятельства. Мы оба люди семейные, и эта ситуация стала невыносимой. Нужно было что-то решать, и мы предпочли расстаться.

– По взаимному согласию?

Комиссар вздернул подбородок и сглотнул. Сестеро показалось, что он едва сдерживает слезы, его глаза заблестели.

– Мы продолжим в другой раз, если вы не возражаете... – произнес Олайсола и вышел.

Он медленно шел по коридору, опустив плечи.

– Его нам тоже придется проверить. Не поднимая шума, но все равно придется, – сказала Сестеро.

Чема, поморщившись, кивнул и поправил галстук.

– Проверить придется многих, – вздохнул он и посмотрел на остальных членов команды. – Начнем?

Понедельник, 22 октября 2018

Хулия нажала на кнопку звонка и обменялась взглядами с Сильвией. Психолог быстро улыбнулась ей, явно пытаясь подбодрить. Сложно допрашивать в качестве подозреваемого человека, который только что потерял жену. Будь у нее выбор, детектив предпочла бы другую задачу, одну из тех, которыми занимались остальные члены команды.

– Погода отвратительная... В самом деле... – возмутилась психолог, закрывая зонт.

Хулия поморщилась в ответ. Они не видели солнца почти два месяца. Недостаток света и избыток воды уже начал сказываться на настроении всех вокруг.

– Вроде на завтра обещали хорошую погоду, – сказала она, продолжая звонить.

– Хорошую? Я на это больше не поведусь... В лучшем случае затишье на полдня, а потом опять будет лить две недели, – проворчала Сильвия, протирая очки салфеткой. – Я уже готова вернуться в Паленсию.

По ту сторону двери послышались шаги.

– Просто этот год выдался хуже обычного, – пояснила Хулия.

– И прошлый, и позапрошлый. Мой парень повторяет это с тех пор, как я переехала к нему три года назад, – пожало-

валась психолог. Едва она договорила, дверь распахнулась.

– Здравствуйте. – Глубокие темные круги под глазами машиниста и потерянное выражение лица выдавали долгую бессонную ночь. Он посторонился, чтобы впустить их. На обеденном столе лежала груда бумаг.

– Простите за беспорядок. Я не смог найти страховку Наталии на случай смерти. Даже не помню, оформила ли она ее вообще... Мы не были готовы к такому, – объяснил он, не отрывая взгляда от картины на дальней стене. Оттуда на них смотрела погибшая. На этом портрете она была куда моложе, чем на снимках, которыми сопровождалась новость о ее смерти. Рот мужчины скривился в грустной гримасе.

– Вы смогли хоть немного поспать? – спросила Сильвия.

– Нет. Стоит мне закрыть глаза, я вижу ее перед собой. Слышу ее крики, как будто мы снова на этих путях... Это ужасно. Вы уже знаете, кто это сделал? – спросил машинист у детектива.

– Мы работаем над этим, – ответила Хулия.

Мужчина поставил локти на стол и уставился на узор на деревянной столешнице.

– Пять лет назад я сбил парня в метро, а двенадцать лет назад – девушку на станции Пленция. Самоубийцы. Это ужасно. Тормозить бесполезно, и они это знают. Хуже всего – момент столкновения и хруст костей. Нужно очень громко кричать, чтобы заглушить это... Я долго не находил себе места после этого. Даже хотел бросить работу, – пробормотал

он, медленно покачивая головой. – В конце концов смирился. Но то, что случилось с Наталией, стало последней каплей. Я знаю это. В этот раз я не смогу воспрянуть.

Хулия знала, что это так: он навсегда останется сломленным.

– Могу я задать вам несколько вопросов?

Машинист посмотрел на нее безжизненным взглядом и пожал плечами.

Хулия откашлялась, пытаясь избавиться от кома в горле.

– Как бы вы описали ваши отношения с Наталией?

Санти повернулся к портрету жены. Его верхняя губа едва заметно дрожала.

– Типичные отношения для людей в браке. У нас были трудности в прошлом, но в последнее время все наладилось, – сказал он и всхлипнул.

Хулия пробежалась взглядом по фотографиям на книжных полках рядом с телевизором. Три из них изображали Наталию Эчано в разных ситуациях, всегда с улыбкой и с неоспоримым обаянием. Только на четвертом снимке был Санти, державший за хвост огромную рыбу. Ничего необычного, кроме одной детали: ни одного снимка, где они были бы вместе. Ни одного. Ни одно событие, будь то поездка или годовщина совместной жизни, не заслужило упоминания в этой комнате.

– Расскажите о дне преступления, – попросила детектив. – Постарайтесь подробно описать все, что вы делали с самого

утра, до того, как заступили на смену.

Санги объяснил, что в день убийства он позавтракал в одиночестве, слушая жену по радио, как он это делал каждый день. На его глаза навернулись слезы, когда он добавил, что это был последний раз, когда он слышал ее голос до поезда. Потом он прибрался в доме и приготовил ужин.

– Я ел один, потому что Наталия предупредила, что опоздает. Какое-то очередное мероприятие. Вечеринка для журналистов... Потом я дошел пешком до станции, а остальное вы знаете... Меня отправили вести поезд, и я переехал собственную жену, – сказал он со вздохом.

Хулия посмотрела на карту и быстро обнаружила две любопытных детали. Депо, где сменяются машинисты, находится всего в одной станции от места преступления – пять-десять минут, не больше, на поезде. Этого достаточно, чтобы оставить жертву на месте столкновения и вернуться в Гернику, чтобы успеть на свою смену.

– А Наталия не упоминала, с кем она должна была встретиться?

– Она обычно не говорила. А я и не спрашивал. Это рабочие моменты.

– Вашей жене нравились цветы?

Мужчина ответил не раздумывая.

– Нет. Я никогда ей их не дарил. Если вы посмотрите на террасу, вы увидите, что у нас почти нет растений, а те, что есть, выживают сами.

Хулия бросила взгляд на психолога: нет ли у нее вопросов. Сильвия едва заметно покачала головой.

– Вашу жену что-нибудь беспокоило в последнее время? Может быть, она получала угрозы или странно себя вела незадолго до случившегося? – спросила детектив.

Санги покачал головой.

– Нет. Все было как всегда. У нее было очень много работы, но когда было по-другому? Ей нравилось все делать правильно. На ней была очень большая ответственность, – сказал он, глядя на портрет Наталии Эчано маслом на стене. Внезапно его лицо исказилось от боли, и он обхватил его ладонями. – Поверить не могу, что ее больше нет. Наталия!..

Хулия сглотнула. Продолжать они не могут. По крайней мере, пока.

– Простите, что нам пришлось разбередить вам душу. Мы не будем больше отнимать у вас время. Спасибо, что согласились побеседовать с нами в такое нелегкое время.

– Извините, я вам даже воды не предложил. – Санги немного пришел в себя, провожая их к выходу.

Они проследовали за ним по коридору, бормоча сочувственные фразы.

– Позвоните мне, если захотите выговориться, – сказала Сильвия на прощание, сжимая плечо машиниста.

– Или если вспомните что-то, что может нам помочь. Что угодно. Слова Наталии, которые могли показаться странными, звонок в неурочное время... Что угодно, – добавила Ху-

лия. Ужасно, что это ей приходится вести себя бесчувственно в такие моменты.

Машинист задумчиво прищурился. Он замер посреди коридора рядом со спальней, откуда доносился запах свежего постельного белья.

– У Наталии был любовник, которого она бросила несколько недель назад. Он ей все время названивал после этого.

– Комиссар Олайсола, – вставила Хулия.

Кивок Санти подтвердил ее слова.

– Пусть его должность не мешает вам докопаться до сути, – произнес он с мольбой.

– Его проверят точно так же, как и всех. Даю вам слово, – обнадежила его детектив.

– Это очень занудный тип. Он не мог смириться с тем, что Наталия его бросила.

– Это она разорвала отношения?

– Да, конечно, Наталия. Она поняла, что любит меня.

Хулия мысленно вернулась к пустынным путям. Лепесток тюльпана, танцующий на ветру, запах ржавого железа, мобильный телефон, на экране которого виднелось ее собственное лицо... Как она ни старалась, у нее не получалось представить комиссара, хладнокровно привязывающего журналистку к стулу.

– Вы не знаете, что стало причиной их разрыва?

Мужчина посмотрел на нее с обидой.

– Она не хотела причинять мне боль. Этого разве недостаточно? Мы были счастливы, пока этот тип не встал у нас на пути.

– Конечно, прошу прощения. – Хулия помедлила, не желая задавать жестокие вопросы человеку, который только что задавил собственную жену. Но она здесь не для того, чтобы сочувствовать. Она сотрудник полиции, и ей нужна информация. Она повернулась к Сильвии, и та прикрыла глаза в знак того, что Хулия может продолжать, хотя ее разрешение и не требовалось. – Как давно они встречались? Я имею в виду...

Санتي вскинул руку, прерывая ее.

– Я знаю, что вы имеете в виду. Как давно мне наставляли рога? Больше года, может, около двух. Точно не знаю, но месяцев десять назад об этом стали сплетничать по всей Гернике. Их видели вместе, они не скрывались. Я даже думал, что между нами все кончено и что она бросит меня ради него.

– Как вы это восприняли? – спросила Сильвия.

– Плохо. Очень плохо, – слова сорвались с губ Санти, и он уставился в пол.

– Опишите подробнее. Гнев, ненависть – что вы чувствовали?

Санти сжал дрожащие губы. Он оторвал взгляд от пола.

– Беспомощность. Я был потрясен. Я не понимал, что сделал не так, а Наталия едва говорила со мной. Она все время проводила на работе.

Хулия и Сильвия переглянулись. Либо он великий актер, либо у него действительно мягкая натура.

– Это все на сегодня. Спасибо, – сказала детектив. У нее было чувство, что она узнала не все, но ей не хотелось еще сильнее давить на мужа.

– Спасибо вам, – отозвался Санти с вымученной улыбкой.

– Он держится лучше, чем я думала, – сказала Хулия, едва за ними закрылась дверь. Редко когда родственник жертвы говорит так спокойно, учитывая, как мало времени прошло с момента гибели.

– Не обманывайся, – предупредила Сильвия. – Это лекарство. Его по уши накачали успокоительным. Ты не обратила внимания на его сонный вид? Шок придет позже.

– Тебе кажется, он искренне горюет?

– Абсолютно точно да, – подтвердила психолог. – Если ты хочешь знать мое мнение, мог ли он замышлять такую ужасную месть, я отвечу – нет. Есть несколько моментов, почему нельзя полностью сбрасывать его со счетов, но он не подходит под типаж холодного и расчетливого убийцы. Ты видела, с каким обожанием он смотрел на портрет жены? Боже, да эта гостиная – просто ее алтарь. А муж всего лишь приложение к ней.

Не будучи до конца убежденной, детектив открыла дверь автомобиля. Это не первый раз, когда убийца так хорошо мог притворяться жертвой, а не палачом.

Понедельник, 22 октября 2018

Стоило ей войти в бар, Сестеро ощутила, как тяжесть упала с плеч. Добыть информацию о комиссаре Олайсоле, а особенно о его отношениях с Наталией Эчано, оказалось нелегко. Подчиненные предпочитали не распространяться о начальнике. Никто не знал деталей. Только то, что они были давними любовниками и не скрывали этого. А причина разрыва? Без понятия. Но Луиса Олайсолу случившееся потрясло.

Айтор тоже не особенно продвинулся. Он прослушал записи последних программ ведущей, и единственное, что было ясно – журналистка напала на все и вся: от жалоб на спекуляции в сфере недвижимости и неконтролируемый туризм до многочисленных обвинений полицейского управления в том, что провинция стала обителью браконьеров и наркоторговцев.

Предполагаемые наркоторговцы, незаконная ловля морепродуктов... Жизнь в заливе Урдайбай под покровом ночи отнюдь не напоминала зеленый рай, каким он преподносится в брошюрах для туристов.

– Холодное пиво, пожалуйста, – попросила она, опершись на барную стойку. Ногами она задела опилки, покрывавшие пол, и это напомнило ей о воскресных обедах с вермутом в

детстве. Теперь все изменилось. Санитарные нормы запретили использование стружек, зато повсюду валяются бумажные салфетки и зубочистки.

Четверо мужчин с загорелыми лицами, сидевшие за столиком возле игровых автоматов, с любопытством посмотрели на нее. Судя по вину в стаканчиках «чикито» и помятому виду, это их ежедневный ритуал. Каждый вечер одно и то же: пропустить по стаканчику кларета в каждом баре в округе, пока не придет время возвращаться домой на ужин.

– Полиция, – пробормотал один из них.

Сестеро посмотрела на свою одежду. Серая толстовка и потертые, почти что рваные джинсы. Полицейский значок спрятан. У нее что, на лице написано? Или, возможно, полицейские – единственные чужаки, которые заглядывают в этот бар рядом с управлением. Да, наверное, в этом все дело.

– И будьте добры, сэндвич с тунцом, – добавила она, вспомнив, что близится время ужина.

Айтор час назад отправился в Мундаку. Там, в рыбацкой деревне, в десятках километров от полицейского участка, родилась Наталия Эчано – и там им забронировали гостиницу. Ее напарник закажет что-нибудь в номер, сэндвич или салат. Он ничего ей не сказал, но Ане знала, что он хотел остаться один, чтобы позвонить в Пасайю. Она легко представила его с этой дурацкой улыбкой на лице во время видеозвонка, который виртуально соединит его с его любимыми Лейре и Сарой. Хуже всего, когда в кадр с лаем и слюня-

выми поцелуями влезает Антоний, и полицейский начинает сюсюкаться с ним, будто с сыном. В таких случаях Сестеро становилось за него очень стыдно.

– Добавить томаты? – спросил бармен. Это был человек неопределенного возраста, из тех, кому раннее облысение придает зрелости, которой они еще не достигли. Он с блаженным видом прикрыл глаза, как будто только что выкурил косяк и теперь витал в облаках.

– Нет, спасибо, – ответила Сестеро. Она не знала, что он имеет в виду: обычные томаты, как принято в Каталонии, или томатный соус, какой добавляют капризным детям. Впрочем, какая разница, ей просто нужно чем-то перекусить, чтобы в животе не урчало, пока она рыщет на побережье.

Убийство из-за горстки моллюсков? Сестеро покачала головой. Это бессмысленно. В теории, наркоторговля – куда более правдоподобный мотив, хотя Чема не нашел в свободном доступе никаких доказательств того, что в Урдайбае существует какая-либо сеть сбыта.

И был еще комиссар...

Очевидно, что их с жертвой внебрачная связь закончилась плохо. Наверное, тому, кто привык раздавать приказы и ожидать их выполнения, нелегко терпеть дурную славу, которую каждое утро создавала ему в эфире Наталия. Это, конечно, его злило.

Она сделала глоток пива. Холодное, даже ледяное – как

ей нравится. И обслуживание неплохое. Бармен улыбнулся, увидев одобрительное выражение на лице Сестеро, осушившей бокал.

– Принесете еще?

Ей это было необходимо. Сестеро хотелось отключиться от всего и хотя бы на миг забыть о тысяче и одной гипотезе, которые сверлили каждый уголок разума.

Стоило ей сделать первый глоток, на этот раз медленнее, как дверь открылась и вошел новый посетитель. Он был намного моложе, чем та компания в углу, но Сестеро быстро подсчитала, что он лет на десять старше ее. Около сорока. Не красавец на первый взгляд, но нельзя отрицать дикое очарование двухдневной щетины, такой же черной, как и глаза, и блестящих серег в обоих ушах. Настоящий пират.

– А вот и сэндвич, – объявил бармен, положив тарелку на стойку.

– Спасибо, – ответила Сестеро, повернувшись к нему.

Заказав крепкое пиво, новоприбывший ненадолго уткнулся в телефон. Затем поднял взгляд и улыбнулся детективу.

– Ты делала ее не здесь, – заметил он, приблизившись.

Проследив за взглядом незнакомца, Сестеро поняла, что он имеет в виду татуировку на ее шее.

– Откуда ты знаешь? – спросила она. Ее слова прозвучали холодно, но намек на улыбку побудил незнакомца продолжать диалог.

– Я много чего знаю. Не знал, правда, что полицейским можно набивать татуировки на видимых местах.

Сестеро нахмурилась.

– А с чего ты взял, что я из полиции?

Ее собеседник хитро улыбнулся. На фоне бороды его зубы казались ослепительно белыми.

– Разве я не говорил, что много чего знаю?

Сестеро окинула бар взглядом. Помимо компании в углу, которая уже собиралась в следующий бар, здесь сидели еще две девушки. Ей показалось, что они смотрят на нее. Здесь все в курсе, что она из полиции?

Коснувшись шеи Сестеро указательным пальцем, незнакомец пристально изучил татуировку.

– Хорошая работа, но я бы сделал лучше.

Сестеро отпрянула. Она очень хорошо умела распознавать таких сердцеедов в барах.

– Сейчас ты скажешь мне, что ты тату-мастер.

– Уверен, ты знаешь мою студию. В двух улицах отсюда, рядом с площадкой для игры в мяч. «Алхимия тату».

– Ты там работаешь? – спросила Сестеро. Конечно, она видела студию. Даже задержалась, чтобы рассмотреть витрину.

– Я владелец. И поздравляю с этим драконом. Я действительно не видел ни у кого здесь такой качественной работы. За исключением себя, конечно, – усмехнулся он. – Прости, я не представился. Меня зовут Рауль.

– Ане, – отозвалась Сестеро. – И это не дракон. Это Сугаар.

– Сугаар? Гигантский змей, который живет в пещере Балцола? Я думал, у него нет лап.

Сестеро слышала это не впервые.

– Это миф. И автор рисунка волен выбирать, что хочет. Истины здесь быть не может.

– Может, ты и права. Сколько раз я ни лазил в этой пещере, ни разу мне не удалось узреть супруга богини Мари. Может, у него есть лапы, а может, и нет.

Сестеро наблюдала за своим новым знакомым с растущим любопытством. Скалолазание, татуировки, мифология... Они обменялись лишь парой фраз, а у них уже столько общих увлечений. Но нельзя допустить, чтобы откровенность Рауля затмила ей разум. Незнакомцы в баре не подходят просто так. Она и сама так иногда делает по вечерам: она не из тех, кто ждет, пока парень сделает первый шаг. Возможно, в этот раз им движет всего лишь любопытство, связанное с ее работой. Но шестое чувство подсказывало ей, что татуировщику нужно что-то еще. Может, просто секс – это ее устроит, – а может, это как-то связано с ее профессией. Ей стоит быть начеку.

– Я тебя раньше не видел. Тебя только что отправили в Гернику? – спросил Рауль.

Сестеро отвела взгляд. Он настолько проницателен, что, казалось, способен читать мысли. И проявляет слишком

большой интерес к ее работе. А дальше что – спросит, над каким делом она работает и кто подозреваемый? Она поколебалась. Возможно, Рауль просто сказал первое, что пришло в голову, чтобы заполнить молчание.

– Ты намекаешь на то, что я из полиции, хотя я и слова не сказала об этом.

Рауль усмехнулся.

– Ладно, проехали. Кто тебе набил Сугаара? Или этого ты мне тоже не скажешь?

В следующие несколько минут разговора напряжение улетучилось. Татуировки, пирсинг... Сестеро наслаждалась беседой. Они с Раулем говорили на одном языке. Просто глоток свежего воздуха после изнурительного дня.

– Я могу угостить тебя или в полиции не пьют?

– Не знаю, спроси у полицейских... – не попалась на удочку Сестеро.

– С тобой всегда так трудно?

Сестеро положила на барную стойку банкноту в двадцать евро.

– Плачу я. За себя и за него.

Рауль попытался запротестовать, но Сестеро не дала ему вытащить бумажник.

– Не хочешь зайти в студию? Я закончу эту татуировку, – предложил он.

– Закончишь? Не ты ли говорил, что она отличная?

– Здесь кое-чего не хватает. Заглянешь в «Алхимию» – я

ее дополню.

Бармен принес сдачу.

– Осторожнее с Раулито, он прыткий как заяц, – подмигнул он Сестеро.

– Это я уже заметила.

Татуировщик рассмеялся от всей души.

– Не слушай его, вот уж кто очаровывает дам направо и налево, – отшутился он, похлопывая бармена по плечу.

– Кто, я? – запротестовал тот. – Думаешь, мне хватает на это сил с женой и тремя детьми? Да у меня на себя самого времени не остается.

Сестеро рассмеялась. Она наслаждалась происходящим, хотя ни за что не поверила бы, что это возможно после такого дня и вдали от подруг, которые каждый день помогали ей отвлечься от работы.

– Ты раньше бывала в Урдайбае? – спросил Рауль, пока бармен отошел к новому посетителю.

– Это еще один способ выяснить, не из полиции ли я?

– Ой, ну хватит, – поморщился татуировщик. – Ты из полиции, и ты не местная. Мы бы знали, будь ты отсюда. У тебя пирсинг и татуировки... Ты бы не прошла мимо моей студии.

Сестеро кивнула, не смогла сдержать улыбку.

– Из тебя вышел бы неплохой полицейский, – заметила она. – Но нет, я никогда здесь раньше не бывала.

Рауль удовлетворенно улыбнулся, когда его догадка под-

твердилась.

– Во сколько ты освободишься? Хочешь увидеть залив со стороны моря? Приглашаю тебя прокатиться на лодке. Мне друг одолжил. Не роскошная яхта, но зато вид роскошный. И если тебе нравится нырять...

– Я бы с удовольствием согласилась, но не уверена, что получится, – ответила она, не став упоминать, что не любит море. Единственный морской транспорт, где ее не укачивает, – это моторная лодка, которая всего за минуту переправляет пассажиров через устье Пасайи. И то только потому, что она уже привыкла... Сестеро ненавидела чувство беспомощности от отсутствия твердой почвы под ногами.

Рауль кивнул с недовольным видом.

– Знаешь что? Я был знаком с Наталией Эчано. На свое пятидесятилетие она решила набить себе цветок лотоса. И я навсегда это запомнил, потому что в то время клиенты в ее возрасте были редкостью. Наталия всегда поступала не так, как принято. Ей было все равно, что о ней подумают.

Сестеро нахмурилась и отвела взгляд, чтобы Рауль не заметил ее растерянность.

Откуда парень, которого она только что встретила, знал, что она работает над делом убитой журналистки? Она очень хотела задать ему вопросы об убитой, но тогда она выдаст себя.

Она сделала большой глоток пива, чтобы скрыть замешательство, и посмотрела на часы. Стрелки едва сдвинулись,

но все же пора идти. В конце концов, это она детектив, и это она должна направлять разговор на свое усмотрение, а не сидеть под лупой собеседника.

– Мне пора, – сказала она, допив пиво и забрав с собой нетронутый сэндвич.

– Вот так сразу? – спросил Рауль.

Сестеро пожала плечами и улыбнулась с загадочным видом. Он что-то сказал, предложил проводить ее, уговаривал остаться, но она покачала головой. Затем открыла дверь и исчезла в дождливой ночи.

8

Понедельник, 22 октября 2018

Купальный халат упал на каменные ступени, вырубленные в скале. Холодный воздух осеннего вечера окутал Хулию, лаская каждый сантиметр обнаженной кожи. Она спускалась ступенька за ступенькой, зайдя по щиколотку в море. Вода холоднее, чем была накануне. И она будет остывать и дальше, пока не достигнет восьми-деяти градусов в начале марта.

Какая, впрочем, разница. Ведь это именно то, что она искала. Хотела почувствовать себя частью природы, ощутить гармонию с миром, забыть об ужасах, с которыми сталкивалась по работе каждый день. Она спускалась все ниже, пока вода не достигла талии. Глубоко вздохнув, она нырнула в Бискайский залив.

Несколько быстрых гребков – и вот уже скалистая бухта осталась вдалеке. Море, не сдерживаемое скалами, волновалось здесь заметно сильнее. Она продолжала плыть, удаляясь от берега и исчезая в темноте.

Разум требовал: еще. Еще дальше, еще быстрее... Ей необходимо было полностью выбросить из головы образ Наталии Эчано. Пронзительные крики журналистки, доносившиеся из динамиков компьютера, до сих пор отдавались эхом в ушах. Стоило только сомкнуть веки, тут же появля-

лось искаженное ужасом лицо.

Понимая, что убежать все равно не удастся, она перестала грести и перевернулась на спину. Дождь прекратился. Небо все еще затягивали тучи, луна не появлялась. Она где-то там, за плотными облаками. Волны слегка покачивали ее – здесь они лишь зарождались, набирая силу по мере приближения к берегу. Ее тело стало невесомым, а море обернуло его будто прохладное шелковое платье.

Она закрыла глаза – и снова увидела Наталию Эчано и ее мучения. Открыв глаза, Хулия уставилась на нависшие тучи. Нельзя, чтобы работа так сильно на нее влияла. Нужно выкидывать все из головы, когда выходишь из полицейского участка. Если даже ежедневное купание в море не помогает, она просто сойдет с ума.

– Я должна научиться, – сказала она вслух.

Но сегодня ничего не выйдет. Даже если она все-таки забудет о Наталии, то о Чеме – нет. Его возвращение перевернуло все внутри – гораздо больше, чем ей хотелось бы. Прошло уже четыре года, два месяца и шесть дней, но эта рана болит так же, как и в первый день.

– К черту! – крикнула она во все горло посреди моря.

Сделав глубокий вдох, она нырнула как можно глубже. От перепада давления заныли барабанные перепонки. Она выпустила воздух из легких, наблюдая, как пузырьки устремляются вверх. Задержавшись на несколько мгновений в абсолютной темноте, она заработала ногами, всплывая. Ей ста-

ло лучше – но явно ненадолго.

Хулия начала грести к берегу. Медленно, очень медленно, как лягушка в пруду. Мундака раскрыла перед ней свои сокровища. Рыбацкая деревня с запада граничила с часовней святой Каталины на холме, а с востока – с церковью святой Марии. Посередине виднелись фасады старинных зданий с видом на Бискайский залив и уединенная гавань, которая теперь спала, окутанная светом уличных фонарей.

В ее спальне, в доме рядом с церковью, горел свет.

Ей очень повезло найти этот дом у моря и еще больше повезло убедить владелицу подписать договор аренды на пять лет. Если бы не это, все сложилось бы иначе. Квартиру над ней, как и во всем районе, теперь сдавали туристам, и если бы не договор, ее жильё ждала бы та же участь.

– Уже иду, – сказала она, мечтая о теплом душе, который ждет ее дома.

Перед сном стоило согреться. Хулия выросла в Урдайбае и чувствовала связь с морем, которое омывало поселения на берегу. Ее жизнь, как и жизнь всего региона, зависит от ритма воды. Каждое утро она катается на волнах, чтобы держать мышцы и разум в тонусе. Ночью ныряет в его воды, чтобы избавиться от ужасов дня и очистить разум. Идеальный ритуал, прежде чем уснуть и забыться на несколько часов.

Вторник, 23 октября 2018

Похоронная процессия медленно тянулась между могилами. Несмотря на дождь, который не прекращался всю ночь, Сестеро различала шорох шагов по гравию. До нее долетали сбивчивый ропот голосов и обрывки разговоров тех, кто пришел проститься с Наталией. Большинство одеты в черное, но кое-кто из молодежи пришел в джинсах. Цветные зонты слегка оживляли грустную сцену – как и цветы, которые служащие похоронного бюро несли вслед за гробом.

Сестеро держалась поодаль. Ей не было места в первом ряду – хотя, пожалуй, там и без того было много случайных людей, которые едва знали погибшую.

Подняв ладонь, священник попросил тишины, а в это время муж пытался подавить рыдания – по его лицу текли слезы. Сестеро едва разглядела его в толпе. Здесь было больше сотни – возможно, около двухсот – человек. Это впечатляло, учитывая, что до этого отдаленного кладбища из центра Мундаки вела узкая проселочная дорога. Зато вокруг было очень живописно. Редкие кладбища могут похвастаться такими прекрасными видами, несмотря на то что в этот день дождь и туман вознамерились скрыть слияние Урдайбая с Бискайским заливом.

Журналистов тоже хватало. Убийство коллеги вызвало

интерес у десятков новостных изданий. Но за исключением нескольких фотографов, которые проскользнули между могилами, журналисты расположились за оградой. Они ждали, пока церемония закончится, чтобы подойти к присутствующим с камерами и микрофонами.

Сестеро не могла разобрать слов молитвы. Священник поднял руку, окропил гроб святой водой и осенил себя крестом. Присутствующие тут же повторили жест.

В кармане раздалось жужжание: новое сообщение. Олайя была счастлива. Первый концерт подтвержден. Он состоится через полтора месяца в «Платаруэне» в Дуранго.

Сестеро задумалась. Она несколько раз ездила на вечеринки в Дуранго. «Платаруэна» – это, случайно, не тот клуб-ресторан, что находится на месте бывшей скотобойни? Он разве не слишком большой для них?

Она начала писать ответное сообщение, чтобы поздравить Олайю с успехом, и тут же вздрогнула – за спиной раздался чей-то голос.

– И давно ли мы ходим на похороны?

Это был комиссар Луис Олайсола. Он казался еще печальнее, чем в полицейском участке накануне.

– Как знать, – возразила Сестеро. – Если преступление совершено на почве страсти, убийца может быть здесь, смешавшись с толпой.

– Или прямо здесь, под крышей этого склепа, – пробормотал Олайсола, указывая на себя со смиренным видом.

Сестеро едва удержалась от кивка.

– Во имя Отца... – донеслись до них слова священника.

– Тяжело прощаться с кем-то, кто был тебе дорог, и еще тяжелее знать, что ты сам попадаешь в список подозреваемых, – признался комиссар, поднося ладонь к глазам, чтобы вытереть слезы. – Я много лет возглавлял полицейское управление без каких-либо нареканий. Не думал, что заслужил такое недоверие.

Сестеро промолчала. Ответа от нее и не требовалось.

Под рыдания мужа и горестные крики присутствующих гроб опустили в могилу. Затем толпа разошлась, прикрываясь зонтами, шум голосов начал стихать. Журналисты не стали терять времени даром. Включив камеры, они окружили людей, выходявших с кладбища. Сестеро вздохнула, понимая, что пресса будет постоянно давить на них, пока они не найдут убийцу.

Только когда металлическая решетка, скрипнув, закрылась за служащими похоронного бюро, Олайсола отвернулся от Сестеро и направился к могиле. Было больно смотреть на этого человека с зонтиком, бредущего по кладбищу. Комиссар был раздавлен. Об этом говорили его слезящиеся глаза и опущенные плечи.

Ане Сестеро вздохнула. Влажный воздух освежил легкие, но не разум. Она чувствовала себя неловко, но должна была это сделать. Накинув капюшон дождевика, она вышла из-под крыши склепа.

– Прими мои соболезнования, – прошептала она, подойдя к комиссару.

Олайсола промолчал. Он не отрывал взгляда от надгробия. Там было выбито имя Наталии Эчано и две даты – день ее рождения и день ее смерти. Никаких эпитафий или излишеств. Просто еще одна среди сотен могил, что выстроились в уединении кладбища. Смерть делает всех равными.

– Она была выдающейся личностью. Все, что случилось в Гернике, озвучивалось ею. Она никогда не боялась обличать коррупционеров, невзирая на их должности и влияние. – Слова комиссара звучали как прощальная речь.

Сестеро медленно кивнула. Олайсола пытается вести собственное расследование? Обличитель коррупционеров... Это слишком большой список подозреваемых. Как долго можно вынашивать месть? Недели? Месяцы? Годы?

От одной мысли об этом закружилась голова.

– Что же ты меня не допросишь, чего ждешь? – Олайсола повернулся к ней. Дождь смешивался на его лице со слезами.

Сестеро прикусила пирсинг в языке зубами – привычка, когда сдают нервы. Она надеялась получить информацию о комиссаре в неформальной обстановке и ни при каких обстоятельствах не подвергать его серьезному допросу.

– Давай, чего же ты тянешь? Я хочу покончить с этим немедленно, – поторапливал ее Олайсола.

Сестеро огляделась. Их окружали десятки каменных крестов и фигуры святых, плачущих под пасмурным небом.

– Возможно, это не лучшее место, – начала она, бросив взгляд на свежую могилу.

Комиссар развел руками и изобразил удивление.

– А по-моему, лучше не придумаешь. Здесь нам никто не помешает и не подслушает.

Кивнув, Сестеро потянулась в карман за блокнотом, но передумала из-за дождя. Придется положиться на память.

– Хорошо. У меня не так много вопросов. Где вы были, когда было совершено преступление?

– На *ты*.

– Прошу прощения?

– Я же просил обращаться ко мне на «ты».

Сестеро вздохнула. В свое время ей пришлось переучиваться, чтобы обращаться к подозреваемым на «вы».

– Где ты был?

– На рыбалке. Один, на собственной лодке. Не лучшее алиби, знаю, но на причале я встретил Нестора, соседа из Мундаки, который может подтвердить время отплытия. Когда я вернулся, на причале был мужчина. Я не знаю, как его зовут, он только недавно начал швартовать свою лодку рядом с моей. Можно поговорить с ним.

– И сколько ты провел на рыбалке?

– Часа три.

Комиссар отвечал, не задумываясь. У него было достаточно времени, чтобы подготовиться. Но в любом случае трех часов достаточно, чтобы где-то оставить лодку, совершить

убийство и вернуться. Море не дает алиби.

– Почему Наталия тебя бросила?

Этот вопрос задел гордость комиссара, и он отвернулся, прежде чем дать ответ.

– Я же говорил, что это обоюдное решение.

Секундная заминка – но Сестеро ее заметила.

– Всегда кто-то является инициатором.

Поджав губы, Олайсола посмотрел на нее свысока. Он не привык к тому, что кто-то требует от него ответы.

– Это случилось четыре месяца назад... Вокруг начались пересуды. Герника – чертова деревня. Наши отношения стали достоянием общественности. «Слышал? Та, с радио, с начальником полиции...». Это было невыносимо. Наталия сказала, что больше не хочет причинять боль матери. Я предложил нам обоим уйти из семьи... Она не рискнула сделать этот шаг, и мы расстались.

Сестеро глубоко вздохнула. За обоюдным решением на самом деле скрывался уход Наталии.

– А твоя жена? Как она пережила все это?

Комиссар провел тыльной стороной ладони по одной из многочисленных роз, которые усыпали могилу, и покачал головой.

– Никак. Ей было все равно. Между нами давно все кончено. Мы жили вместе под одной крышей, как давние друзья, – и все. Она живет своей работой, а я своей.

– Но вы живете вместе?

– Вместе, но мы не близки. У нее свои любовники. Ну если останется время после работы.

– Где она работает?

– Она адвокат. Очень успешный... Громкие дела.

– Ты же понимаешь, что мне придется с ней поговорить, – предупредила Сестеро.

Олайсола поморщился, но выбора у него не было. Он прекрасно знал процедуру.

– Наталия когда-либо рассказывала тебе об угрозах? Она чувствовала себя в опасности?

– Маловероятно, что кто-то вроде Наталии никогда не получал угроз, но, скорее всего, ей было на них плевать. Она никогда мне ничего такого не говорила. У вас есть какие-то зацепки?

Сестеро отрицательно покачала головой. Нельзя делиться деталями расследования с подозреваемым, пусть даже комиссаром. У нее было еще столько вопросов. Какой была Наталия? Какие у нее были отношения с коллегами? Как она... Но утомлять расспросами Олайсолу казалось неправильным. Не перед могилой убитой. Ведь это место все еще переполнено скорбью. Ленты траурных венков – от лучшей подруги, от кузенов, от торговцев с рынка... Цветов было так много, что они почти полностью покрывали могилу. Розы, хризантемы, гвоздики... И тут у нее перехватило дыхание.

– Боже... Он был здесь.

Правой рукой она указала на один из букетов. Это не оче-

редной букет. Он не защищен целлофаном, и он без ленточки с прощальными словами. Ничего подобного.

Это был букет тюльпанов. Красных – как тот, что сжимала в руках Наталия, когда поезд оборвал ее жизнь.

Вторник, 23 октября 2018

– Нет, они не мои. И не ищите дальше. Вы не найдете эти тюльпаны ни в одном цветочном магазине Герники. – Продавщица в цветочном магазине презрительно посмотрела на букет.

– Почему? – Сестеро удивила ее категоричность.

Флористка бросила на нее снисходительный взгляд. Это была женщина средних лет – до такой степени худая, что казалась высокой, хотя высокой она не была. Или, возможно, эту иллюзию создавала прямая как палка спина?

– Вы ведь не особенно разбираетесь в цветах? – заметила она, сделав паузу, но Сестеро так ничего и не ответила. Флористка отложила красные ленты, которыми она занималась все это время, и подошла к полицейской. – Тюльпаны цветут весной, и спрос на них именно в это время. Осень – это что-то странное. Никто их не продает. Разве вы когда-нибудь видели, чтобы кто-нибудь приносил тюльпаны на кладбище в день всех святых? Разумеется, нет.

Сестеро не нравилось презрение на лице этой женщины, которая кривила губы при каждом взгляде на кольцо в ее носу. Она бы с радостью покинула это место, но у этой сотрудницы была важная информация.

– И откуда тогда мог взяться букет? – спросила она, скры-

вая недовольство.

Цветочница нежно погладила лепесток одного из тюльпанов, затем покачала головой и пожалала плечами.

– Я готова поспорить на собственный магазин, что в радиусе ста километров не найдется ни одной цветочной лавки, где можно было бы купить эти тюльпаны: это очень редкая разновидность.

На этот раз губы сморщила Сестеро. Такого ответа она не ожидала.

– Что это за сорт? – Возможно, так удастся выяснить их происхождение.

– Трудно сказать... Их тысячи, но это точно гибридный сорт. Возможно, *Дабл Эрли Абба* или *Фаер оф лав...* – Ее произношение было идеальным, будто она только что выпустилась из Оксфорда.

– Есть ли какой-нибудь способ узнать, когда их купили?

– Надо посмотреть... – Цветочница вытащила тюльпан из букета. Со сосредоточенным видом она сделала разрез по всей длине и принялась внимательно его изучать. Эта процедура удивила Сестеро. – Он свежий. Его срезали меньше суток назад. Я бы даже сказала, часов пять назад.

Сестеро перевела взгляд на часы на стене, частично скрытые зарослями. Было одиннадцать утра. Если флористка права, эти цветы срезали не позднее восьми вечера накануне.

– Как вы можете утверждать с такой точностью?

Еще один снисходительный взгляд от цветочницы.

– Потому что. Я занимаюсь цветами всю свою жизнь.

Сестеро прикусила губу, чтобы не сказать какую-нибудь грубость. Она с трудом выносила таких женщин.

– А что насчет этого? – Она протянула ей остатки цветка, который Наталия Эчано сжимала в руках в момент своей гибели.

Флористка повторила те же манипуляции.

– Состояние плохое, но я бы сказала, что это тот же сорт, но этот цветок срезали за несколько дней до этого.

– А может быть такое, что он из того же букета, а цветы все это время стояли в воде или что-то вроде того? – спросила Сестеро.

Флористка тут же покачала головой.

– Это невозможно. Стебель тогда бы выглядел и ощущался по-другому.

Сестеро пожалела, что не послала Айтора на эту беседу. Он бы точно проявил больше терпения, пытаясь выяснить, как убийца раздобыл цветы.

– А их можно вырастить самостоятельно?

– Трудно. Это не просто цветок. Тюльпаны – капризные цветы, особенно в домашних условиях. Я бы очень удивилась, узнав, что любитель мог вырастить цветы подобного качества.

Еще не договорив, она отвернулась и снова занялась красными лентами. Лезвие ножниц прошлось по полоске блестящей бумаги, превращая ее в завиток, каким обычно украша-

ют букеты в цветочных магазинах.

Ане с отвращением забрала тюльпаны. Она не ожидала, что визит в цветочный магазин принесет ей больше вопросов, чем ответов.

– Ясно. Большое спасибо, что уделили мне время, – сказала она, но не удержала сарказма.

– Надеюсь, я смогла вам помочь, – откликнулась женщина, не потрудившись проводить ее до двери.

* * *

Сестеро открыла дверь бара, все еще чувствуя поражение. Оставалось надеяться, что Айтору повезло больше. Она оглянулась в поисках напарника. Его не было на месте. Пока не было.

Бармен – тот же, что обслуживал ее прошлым вечером, – бросил на нее взгляд через глянцевую поверхность кофеварки.

– Что будете?

– Двойной.

– Американо?

– Нет, двойной. Две порции эспрессо в одной чашке.

– Как скажете.

Игровой автомат в глубине зала издал надоедливую мелодию и металлический звон монет. Сидевший за ним азиат радостно кивнул.

– Я запрещаю тебе играть. – Бармен повысил голос, пере-
крикивая звуки кофемашины.

Сестеро вытащила телефон, чтобы проверить, нет ли со-
общений от коллег, и тут дверь открылась.

– Ну и ливень! – Айтор снял дождевик и повесил его на
крючок под барной стойкой.

– Обещают всю неделю такую погоду, – заметил слепой,
сидевший у входа. Лотерейные билеты покрывали его грудь
разноцветным водопадом.

– На улице так паршиво, – пожаловался бармен. – Даже
на работу идти не хочется.

– Как будто кому-то когда-то хочется, – усмехнулся сле-
пой.

– Ну, вы же хотите, чтобы вокруг все цвело. Вот вам и це-
на за это. Да чего вы жалуетесь, это всего лишь вода. Раньше
лило куда сильнее, – вмешался старик за одним из столиков.
Он не удосужился даже поднять голову от наполовину раз-
гаданного кроссворда в газете.

– Что будете? – спросил бармен у Айтора.

– Зеленый чай и тортилью.

– Принесите еще одну для меня, – добавила Сестеро,
вспомнив, что так и не позавтракала. Обычно она никогда
так не делает, но в этот день все вышло из-под контроля. В
том числе и еда.

– Как все прошло в цветочном? – спросил Айтор.

Сестеро вздохнула.

– Так себе. Все сложнее, чем мы думали. Сейчас не сезон для тюльпанов, и она не знает, кто мог их продать. А как в похоронном бюро?

Бармен поставил на стойку два дымящихся блюдечка, и у Сестеро разыгрался аппетит.

– Убийцы не было на кладбище. А если и был, то пришел без букета, – объяснил Айтор. – Их принесли гробовщики. Они прекрасно помнят, как забирали его из морга вместе с остальными цветами.

– Нужно проверить, есть ли там камеры видеонаблюдения, – решительно сказала Сестеро. Возможно, обнаружить убийцу будет проще, чем ей казалось несколько минут назад.

– Уже. Ни одной. В том числе снаружи.

– Черт...

В голове Сестеро вихрем пронесли мысли. Она явно что-то упускала. Закрыв глаза, она заставила себя абстрагироваться от неудачной шутки, которую Аргиньяно² отчебучил с экрана телевизора, включенного на полную громкость.

– Он ее повторяет уже в третий раз, – проворчал отгадывавший кроссворд.

– Бабульки в шоке от его грязных шуточек. Такими темпами на него подадут в суд, – откликнулся слепой.

– Ну хватит, все лучше, чем новости... Кто-нибудь знает, что там с той журналисткой? – вмешался официант.

² Карлос Аргиньяно – популярный испанский ведущий кулинарной программы.

– Да ну тебя, никто ничего и не узнает. Они все скроют. Ее давно пытались заткнуть. – Слепой постучал тростью по полу.

Полицейские переглянулись. От болтовни в баре зачастую больше пользы, чем от допросов.

– Стоит только нацелиться на застройщиков и политиков...

– Ей нужно было завести телохранителей.

Повисло молчание, и Аргиньяно на экране успел поставить в духовку пирог с перцем пикильо.

– А зачем ей телохранители, если она крутила шашни с комиссаром? – внезапно заметил старик.

– Так они расстались. Она его бросила.

– Мне кажется, она в принципе с ним встречалась ради защиты, – заметил бармен, протирая стаканы тряпкой.

Старик захихикал.

– Похоже на то. Как только отказалась с ним спать – сразу же оказалась на рельсах. И мы никогда не узнаем, кто в этом виноват. Знаете почему? Потому что им плевать. Это был комиссар. Наталия знала слишком много, и ее убрали. Они позаботятся о том, чтобы никто ничего не узнал. Через два дня все забудется.

– Если только ее смерть не повесят на кого-то еще, – предположил слепой.

– Как там Санти?

– Муж? Хреново, конечно. А ты как думал? Говорят, его

пичкают таблетками, чтобы он совсем уж не расклеился.

Сестеро поднесла ко рту последний кусочек тортильи. Разговор свернул не туда. Нужно вернуться к началу.

– Не слышала, чтобы у Наталии Эчано были какие-то проблемы с застройщиками, – подчеркнуто равнодушно вставила она.

Айтор рядом с ней поднес бокал к губам и с притворным интересом уставился в телевизор.

– Это потому, что ты не слушала ее программу, – заявил слепой. – Они тут устроили шумиху с музеем. А она каждый день выступала против.

Сестеро нахмурилась. Она ничего не понимала.

– Музей Гуггенхейма, – объяснил бармен. – С тех пор как стало известно, что здесь хотят открыть филиал компании, все стоят на ушах.

– Какой-то умник с инсайдерской информацией скупает землю за бесценок. Лотерея, дамы и господа! – воскликнул лотерейщик тем же тоном, каким объявил бы розыгрыш.

Сестеро выразительно посмотрела на напарника. Накануне он должен был посетить «Радио Герника» в поисках информации.

– Я сейчас вернусь туда. Вчера там был только техник, который дал мне послушать пару записей. По вечерам пускают эфир из Бильбао, и из команды Наталии Эчано никого на станции нет, – вполголоса пояснил Айтор.

– Эти взяточники живут на широкую ногу. Вы что, правда

думаете, что политики и застройщики плетут интриги только на юге? – заявил мужчина с кроссвордом. – Эй, Маноло! Вымышленное животное, пять букв. Начинается на «п». Угадай с одной попытки.

Бармен рассмеялся.

– Пора бы им уже сменить пластинку. Каждый день загадывают одно и то же, – сказал он и кивнул в сторону экрана. – Ничего себе! Этот парень просто талантище. Видали, что он сделал из консервированных перцев и пары яиц?

– А еще там сливки, масло, специи... Да он туда чего только не бросил, – возразил слепой.

– А я бы все равно съел сейчас, – настаивал бармен.

– Еще один: библейский персонаж из трех букв. Они что, думают, что у нас память отшибло? Его загадывали по меньшей мере трижды за последние пять дней.

– Брось это дело и займись sudoku. Меньше брюзжать будешь, – посоветовал бармен.

Айтор указал в сторону двери. Сестеро кивнула. Больше здесь делать нечего. С другой стороны, время в баре не прошло зря. У них появился новый возможный мотив.

– Вы ведь из полиции? – Слепой перегородил им дорогу тростью.

Сестеро посмотрела на напарника. Как и она, Айтор был в штатском и даже снял с пояса кобуру. Эта игра начинала ей надоедать.

– С чего вы это взяли? – поинтересовалась она.

– Да вас за километр видно, – заметил он. – Как насчет лотерейного билета? Розыгрыш в пятницу. У тебя телефон звонит. Наверняка это твой муж хочет, чтобы ты и ему купила билетик.

Все в баре рассмеялись.

Сестеро прижалась ухом к рюкзаку. Он и правда вибрировал. Расстегнув молнию, она посмотрела на экран.

– Это Чема, – сказала она Айтору и ответила на звонок. – Сестеро, слушаю.

Голос полицейского был полон тревоги. И Ане ощутила, как тревога, зародившись в груди, наполняет все ее существо.

В мае 1985 года

– Это великолепно. Одолжишь на минуточку?

Не дожидаясь ответа, учительница взяла мой рисунок и подняла его так, чтобы всем было видно. Ей пришлось трижды попросить тишины и даже повысить голос, чтобы ученики в классе – их было больше тридцати – наконец-то повернулись к ней.

– Посмотрите, как хорошо вырезано, в отличие от многих. Вам уже шесть, а ведь даже трехлетки смогли бы вырезать лучше.

– Я лучше нарисовала, – запротестовала Ициар, девочка со светлыми косичками, сидевшая за соседней партой.

– Да, Ициар нарисовала очень хорошо, – признала учи-

тельница. – Как и многие из вас. Но кое-кому придется снова учиться с малышней, если вы не проявите больше усердия.

– У меня ножницы затупились, – встрял Лукас, показывая свою лошадь с отрезанными ногами.

– Да неужто! Вечно то ножницы затупятся, то краска засохнет...

– Но это правда, – настаивал мальчик.

Учительница вернула мне рисунок. Мне было неловко, но в то же время я был очень горд собой.

– Твоя мама будет очень довольна, – сказала она, погладив меня по голове, а затем снова повысила голос. – Пора заканчивать. Доделывайте, и мы повесим их на ленточку и напишем: *Zorionak, ama*³.

Я взял голубую краску. Лошадка была почти готова. Осталось только нарисовать глаза. Я хотел сделать их голубыми, как у моей мамы.

Затем мы выбрали ленты, и раздался звонок, означавший конец занятий.

– Подождите минутку, – сказала учительница тем, кто бежал к двери. – Спрячьте ваш подарок до воскресенья. Вот увидите, как они будут довольны, что вы вспомнили про День матери.

Осторожно, чтобы не смять, я положил подарок в сумку. Я умирал от желания вручить его маме. Я представил, как разбужу ее в воскресенье, едва рассветет. В ящике я хранил

³ Поздравляю, мама (*баск.*).

конфету, которую мне подарили несколько недель назад на день рождения. Я положу ее на поднос рядом со стаканом свежесжатого сока и отнесу маме в постель. Ведь она всегда начинает день с апельсинового сока.

* * *

Наконец этот день настал. Отца не было дома. Его почти никогда не было дома, море всегда забирало его у нас. Когда он возвращался, он всегда рассказывал мне о месте с удивительнейшим названием: Гран Соль, Великое Солнце. Я всегда просил его взять меня с собой, а он смеялся и говорил, что однажды мы отправимся туда вместе. Спустя годы мне довелось побывать в этом волшебном месте, и я убедился, что единственное, что в нем волшебного, – это его название.

Как я уже говорил ранее, это было воскресенье, День матери, и я хотел сделать ее пробуждение особенным.

Мне с трудом удалось уместить все это на подносе – сок, поджаренный хлеб, подарок, который мы приготовили в классе... Единственное, что я не смог сделать, – это кофе: я не знал, как пользоваться кофеваркой, да и ее свист разбудил бы маму раньше времени.

Я тихонько прошел в спальню. Тонкие полоски света, пробивавшиеся сквозь ставни, украшали изголовье кровати.

Время здесь было подчинено ритму ее дыхания. Я с трудом удержался, чтобы не залезть под одеяло и не прижаться

к ней. Так поступают только малыши, и она давно не одобряла подобного поведения.

– Что тебе нужно так рано? – буркнула она, когда я поцеловал ее в щеку.

Я посмотрел на будильник на столике. Было почти девять, в это время мы вставали по выходным.

– *Zorionak, ama...* Сегодня твой день, – сказал я, обнимая ее за руку, лежавшую поверх простыни.

– Хватит нести чушь, – ответила она, сбрасывая мою руку и переворачиваясь на другой бок.

Внутри меня что-то оборвалось.

– Я приготовил тебе сок, – пролепетал я еле слышно.

– Дай поспать. Хватит придуриваться.

Мои глаза наполнились слезами. Не так я воображал себе эту картину.

Я посмотрел на сок. Если она сейчас же его не выпьет, все витамины исчезнут. Я открыл было рот, но рыдания душили меня.

Наверное, я заплакал, уже не помню, но как иначе, когда твои фантазии рушатся? Остаток утра я провел на кухне перед накрытым с таким старанием подносом в надежде на то, что она скоро встанет. Шли часы, надежда угасала, ноги онемели. Наверное, я поплакал еще, и плечи опустились от горя, но это уже мои домыслы. Разве можно помнить все в деталях, когда прошло столько лет?

Был почти полдень, когда она появилась на кухне. Она во-

шла уже одетая, красивая, как обычно, и с серьезным лицом.

– *Zorionak*, – прошептал я.

Она презрительно хмыкнула.

– Поздравь тех, кому есть что праздновать. А меня оставь в покое.

Я едва сдержался, чтобы не заплакать. Прикусил до боли губу и пододвинул к ней поднос.

– Я приготовил тебе...

Не разжимая губ, она покачала головой.

– По-твоему, я буду пить сок, который сделан столько часов назад?

С этими словами она открыла холодильник и достала апельсины. Звук соковыжималки стал для меня последним ножом в спину, пока я плелся по коридору. Я не хотел, чтобы она видела мои слезы.

Вторник, 23 октября 2018

Лицо женщины казалось мутным и расплывшимся. А кровь и мозг, которые проглядывали сквозь разбитый череп и служили ей смертным ложем, – всего лишь сверкающей шелковой накидкой на полированном бетонном полу. Пелена слез смягчила неестественный угол, под которым была вывернута шея жертвы.

Склонившись над трупом, Хулия рукавом свитера вытерла слезы. Это был кошмар без прикрас. Рот жертвы, распахнутый в прерванном крике, говорил о мучительном падении, а ее безжизненные глаза, уставившиеся в бесконечность, – о неизбывном горе. Этот потерянный взгляд детектив видела у всех мертвецов в своей жизни.

– Ты ее знала? – спросил Чема.

Сдерживая слезы, Хулия покачала головой.

– Неужели это до сих пор на тебя так действует? – с удивлением спросил он.

Хулия промолчала. Она представила, как всего несколько часов назад это холодное и неподвижное тело было живым человеком, который мог смеяться, плакать, петь, наслаждаться и страдать. Как можно не испытывать грусть, зная, что эта женщина оставила зияющую пустоту в жизни тех, кто ее любил? Разве можно воспринимать ее просто как очеред-

ное дело?

Она понимала, что это проблема. Она всюду носит мертвых с собой, в тяжелом рюкзаке за спиной, который она никогда не сможет снять. Ей даже не нужно закрывать глаза, чтобы увидеть лица всех мертвецов, которых она видела за свою карьеру. Вон тот паренек, что сбросился со скалы в Огонь, и заплутавшая старуха, чье тело нашли в заливе, и та женщина, чей муж ударил ее ножом тридцать четыре раза, а еще та, которая...

– Чего я не понимаю, так это того, почему это не действует на тебя, – всхлипнула Хулия.

Чема вздохнул.

– Нужно привыкнуть к этому. Мы полицейские, – сказал он, глядя в прицел фотоаппарата: он делал снимки с места происшествия. – Мне тоже больно с этим сталкиваться, но я должен быть профессионалом. Когда ты слишком погружаешься в это, ты не можешь быть объективным.

Хулия знала, что он прав, но она никогда не сможет вести себя так отстраненно. Как бы она ни старалась, у нее ничего не получается. Больше всего на свете ей хотелось бы уметь оставлять рабочие дела на работе. К счастью, море помогало ей отвлечься. Если бы не ночное плавание и серфинг, она бы сошла с ума и уволилась с обожаемой работы.

– Ничего общего с первым преступлением, – заметила она, выпрямившись и подняв голову. Освещенный внутренний дворик представлял из себя прямоугольник примерно

четыре на шесть метров. Жертва упала с шестого этажа, прихватив с собой в полете несколько веревок, на которых сушилась одежда.

– Полностью согласен, – откликнулся Чема, убирая фотоаппарат. – Там была тщательная подготовка, а это импровизация. Наталию усыпили и усадили на рельсы, где ее сбил ее собственный муж. И не будем забывать о трансляции на «Фейсбуке» ... В этот раз ничего подобного. Ее вытолкнули из окна. Нас вызвали из-за одно-единственного тюльпана в вазе в гостиной среди дюжины засохших гвоздик... – Щелкнув языком, он покачал головой. – Это не может быть тот же убийца.

Хулия медленно покачала головой.

– И все же снова тюльпан... Это подпись убийцы. Цветок что-то символизирует для него.

– Или для них, – поправил Чема.

Хулия негодуяще посмотрела на него. Разумеется, это может быть «он», «они» или вообще «она». Это просто фигура речи. Почему последнее слово всегда должно оставаться за ним? Это начинало раздражать. Раньше он таким не был – а может, она просто смотрела на него другими глазами.

– Кроме того, это же не Лас-Вегас. Здесь убийства не случаются каждый день. Мы в Гернике, черт побери. Два трупа за пять дней, одинаковый цветок... Это один и тот же убийца. Но я не понимаю, почему в этот раз почерк совершенно иной.

– Для меня это еще не очевидно, – заметил Чема. – Нам нужно найти связь между обеими жертвами. Мы знаем имя этой?

Хулия покосилась на тело. Это была женщина около шестидесяти лет, одетая в простую домашнюю одежду, с медными волосами, через которые просвечивали седые корни. Детектив ощутила укол вины. Она провела рядом с ней уже достаточно времени, но до сих пор не знала ее имени.

– У тебя тоже была похожая. – Чема указал на небольшую татуировку, украшающую внутреннюю часть правого запястья жертвы.

Хулия молча кивнула, уставившись на красную розу с шипастым стеблем, тянувшимся по предплечью.

– Столько времени прошло, я думала, ты и не вспомнишь...

Поясницу Хулии украшал эгускилоре, цветок дикого чертополоха, который, по преданию, обладает защитными свойствами. Хозяева ферм вешают этот цветок на двери для отпугивания ночных чудовищ. Он похож на солнце, так что чудовища понимают, что в доме нет места тьме, и не смеют войти. Возможно, эта женщина тоже набила свою татуировку в «Алхимии тату», мастерской Рауля, едва ли не единственной в округе.

– Боже мой, он убил ее! – искаженный горем голос раздался откуда-то сверху. Хулия подняла голову и увидела женщину в окне четвертого этажа. – Арасели, что он с тобой

сделал?

Детектив вопросительно посмотрела на напарника.

– Я думала, мы одни.

Прежде, чем ответить, Чема посмотрел вверх.

– Так и было. Полиция звонила во все двери, и никто не открыл. Откуда вы взялись, сеньора? Почему не открыли нашим коллегам? – спросил он у соседки, которая вытирала слезы носовым платком с синей окантовкой.

Женщина громко высморкалась и поднесла руку ко лбу.

– Мы знали, что когда-нибудь это случится. Он чудовище... Он ее измучил. А она хорошая женщина. Слишком хорошая, – прорыдала она в ответ.

Полицейские переглянулись. О ком она?

– Сеньора, пожалуйста, оставайтесь в квартире. Мы сейчас поднимемся к вам.

– Она мертва?

– Войдите в дом и закройте окно, пожалуйста.

– Конечно, она мертва. Матерь Божья! Арасели...

– Закройте окно! – рявкнул Чема.

Женщина послушалась, не переставая всхлипывать.

– Я иду вверх, – заявила Хулия. Следовало немедленно опросить эту соседку.

– Я с тобой. – Чема последовал за ней. – Откуда, блин, она взялась? Твои коллеги должны были стучаться ко всем соседям, и раз никто не открыл, значит, никого не было дома. Как она попала к себе?

Хулия промолчала.

– Можно забирать тело? – поинтересовался кто-то из похоронного бюро, едва заметив их на пороге.

– Мы закончили. Если судья разрешит... – ответил Чема, указав на удивительно молодую женщину: та подписывала какие-то документы, которые протягивал ей судебный секретарь.

Судья Толоса кивнула.

– Можете приступать. Судмедэксперт установил, что смерть наступила утром между одиннадцатью и четвертью двенадцатого. Через пару дней мы получим результаты вскрытия. – Она нервно махнула правой рукой в сторону двери. Там собралась толпа журналистов с камерами наготове, чтобы начать запись при первой возможности. – И пришлите подкрепление, чтобы их сдержать. Я не выйду отсюда, пока не буду убеждена, что смогу сделать это без тысячи вопросов.

* * *

– Как давно она подвергалась жестокому обращению со стороны мужа?

Соседка попыталась заговорить, но слова застревали в горле. Губы по-детски изогнулись, и она снова и снова прижимала к носу платок в правой руке. Глаза ее тоже нуждались в платке.

– Хосе Мануэль всегда такой... – что-то помешало ей закончить фразу. – У него взрывной характер. Он постоянно на нее орет... Бедняжка Арасели!

Хулия и Чема переглянулись. Волосы соседки все еще были влажные. Это подтверждало ее объяснение, что она была в ванной, когда полицейские стучались к ней. Она призналась, что слышала звонок, но не стала обращать внимание. Ее не раз беспокоили рекламные агенты во время утреннего душа.

– Этого не может быть. Это неправда... Арасели! – возопила женщина, внезапно бросившись к окну.

Чема перехватил ее.

– Прошу вас, успокойтесь, – сказал он и обратился к Хулии: – Пусть пришлют какого-нибудь врача.

Соседка обняла сержанта, и тот неуклюже похлопал ее по спине.

– Он просто изверг. Он сделал это... Он убил ее... Мы знали, что этим все и закончится. Мы знали...

– Но заявлений по поводу жестокого обращения не поступало, – заметила Хулия.

Пожав плечами, соседка вытерла слезы правой рукой.

– Арасели боялась это сделать.

– А вы? Вы никогда не звонили на горячую линию, чтобы сообщить, что происходит двумя этажами выше?

Раскаяние и явное чувство вины на лице соседки заставили Хулию сдержаться.

– Что происходит за закрытыми дверями, личное дело каждого, – пробормотала женщина, не поднимая глаз.

Это было уже слишком.

– Вы тоже в ответе. Вы и все соседи, которые молчали, пока он ее избивал, – выплюнула Хулия, чувствуя во рту кислый привкус презрения. Сколько еще раз ей придется выслушивать одни и те же отговорки?

– Хулия... – Чема резко схватил ее за плечо, а затем повернулся к соседке. – В следующий раз звоните в полицию. Домашнее насилие нужно останавливать. Когда вы в последний раз слышали их ссору?

– Этим утром. Разбитая посуда, оскорбления, крики... Все как обычно...

– В котором часу это было?

Женщина задумчиво прищурилась.

– По радио, в 10 часов передавали новости, и мне пришлось увеличить громкость, чтобы их слышать.

Кивнув, Хулия вздохнула. Увеличить громкость вместо того, чтобы позвонить на горячую линию...

– Вы слышали угрозы? По поводу чего они ссорились? – спросил Чема.

– Я вам разве не сказала, что слушала радио? Из-за ерунды. Они ссорились то из-за денег, то из-за того, что ужин остыл, потому что Арасели поздно пришла... Главное было поорать и избить ее.

– И выбросить в окно, – пробормотала Хулия.

– Почему вы не слышали звук падения? – начал расспросы

Чема.

Женщина пожала плечами и снова достала платок, вытирая слезы и сопли.

– Я не знаю.

– Что вы делали в одиннадцать утра?

– В одиннадцать? Не знаю, наверное, пылесосила.

Поджав губы, Хулия встала. Они напрасно тратят время. Эта женщина рассказала уже все, что знает. Каждая дальнейшая секунда расспросов будет пустой тратой времени. Достав телефон из сумочки, она позвонила в полицейский участок и попросила соединить ее с начальником оперативного отдела.

– Мне нужен ордер на обыск и арест мужа. Есть свидетельница, которая утверждает, что слышала оскорбления и звуки побоев в доме покойной. Кажется, у нас здесь домашнее насилие.

В динамике послышался металлический голос. Протокол активирован. Всем подразделениям немедленно отдан первоочередной приказ найти мужа убитой.

12

Вторник, 23 октября 2018

– Где он? – спросила Сестеро, едва войдя в полицейское управление. Она производила первичный осмотр квартиры Арасели Арриета, когда ей сообщили об аресте подозреваемого.

Айтор оторвался от отчета, который он печатал на компьютере, и повернулся к ней.

– В первой камере. Я изучил его историю. Его привлекали за хранение наркотиков, но не за домашнее насилие.

Сестеро поставила рюкзак на стол.

– Большинство этих ублюдков никогда не привлекают. Еще столько работы. Что за бич общества... Пойдем, – бросила она, выйдя в коридор.

– А где остальные? – уточнил Айтор, следуя за ней.

– Остались в квартире погибшей: ищут улики и берут показания у соседей. Весь пол там усыпан битой посудой, разруха во всей красе.

Полицейский, охранявший заключенных, открыл им дверь и вернулся на свой пост.

Сестеро сделала вдох и сглотнула. От переполнившей ее ярости у нее сжались челюсти и кулаки. Заметив это, Айтор положил руку ей на плечо и заставил посмотреть ему в глаза.

– Ане... – его лицо было очень серьезным. Он помолчал, и

Сестеро поняла, что он беспокоится за нее. – Ты не можешь допрашивать его там.

Сестеро сжала губы. Она знала правила. Общаться с задержанными в камерах строго запрещено. Любой допрос или сбор данных должен проводиться в комнате, предназначенной для этой цели.

– Давай без церемоний. Задам всего пару вопросов, – сказала Сестеро.

Айтор поморщился. Он терпеть не мог отступления от правил.

– Не переусердствуй, – предупредил он.

Сестеро изобразила улыбку, чтобы успокоить его. Конечно, она не будет заходить слишком далеко. Она бы с радостью проучила ублюдка, который только что убил собственную жену, но она умеет держать себя в руках.

И снова – привет, клаустрофобия, которую она ощущала каждый раз. Эти голые стены без окон и крошечное пространство действовали ей на нервы. Ей не хотелось даже думать, как мучительно ей было бы оказаться там взаперти.

– Я пойду одна, – сказала она Айтору. Напарник открыл было рот, чтобы возразить, но она не собиралась спорить. – Одна, Айтор. Подожди меня снаружи.

Задержанный сидел на бетонной скамье, которая одновременно служила и койкой, опустив голову, уперев локти в колени и спрятав лицо в ладонях.

– За что? – прямо спросила она, не представляясь и не

соблюдая протокол.

– Это был не я, черт возьми... Как мне это доказать? – Он оторвал руки от лица, залитого слезами.

– Ты настоящий мачо, Хосе Мануэль. – Каждое слово, которое Сестеро выплюнула ему в лицо, было пропитано горечью желчи. – Настолько мачо, что тебе нужно уничтожить женщину, чтобы почувствовать себя ее хозяином, настолько мачо, что ты думал, что можешь снова и снова поднимать на нее руку, настолько мачо, что тебе нравилось покорять и унижать ее.

– Это ошибка! – воскликнул заключенный, встав на ноги. Сестеро сделала шаг назад. – Я не убивал ее. Я любил ее!

Сержант сжала челюсть.

– Твои соседи говорят совсем другое, – бросила она, стараясь не поддаться гневу. – Что произошло сегодня утром?

– Ничего! Ничего не случилось!

– Крики, удары, стоны... Я лично подбирала куски посуды, которую ты швырял на пол. Этого тебе мало? У нас есть достаточно свидетелей того, что случилось сегодня в вашем доме.

– Кто? Игнасия, Эстер, Тонья? – спросил мужчина с презрением, которое плохо сочеталось с его опустошенным взглядом. – Они ведьмы... Просто гребаные ведьмы!

– Сядь. – Сестеро указала на скамью.

Хосе Мануэль посмотрел ей прямо в глаза.

– Это был не я, – пробормотал он, приблизив лицо к лицу

детектива.

От запаха прокисшего вина Сестеро замутило.

– Немедленно сядь, – потребовала она.

Заклученный и не думал ее слушаться, и ее кулаки сжались. Что-то подсказывало Сестеро, что, если бы допрос вел мужчина, Хосе Мануэль подчинился бы сразу.

Словно в доказательство, на его губах начала вырисовываться насмешливая улыбка, но она тут же растаяла, едва колено Сестеро уперлось ему в промежность.

– Сядь, черт возьми! – бросила детектив, толкнув его. – Ты научишься подчиняться женщине.

– Сестеро! – Айтор Гоэнага наблюдал за ней через открытое окошко в двери.

Заклученный с гримасой боли упал на скамью, зажав пах руками.

– Я не убивал ее, – пробормотал он, с оскорбленным видом глядя на Сестеро. – Эти ведьмы лгут.

Несмотря на дистанцию между ними, запах дешевого вина снова донесся до детектива, которая считала до трех в попытке успокоиться.

– Ты настоящий говнюк, ты знаешь это? – сказала она, прислонившись спиной к двери. – Вместо того, чтобы радоваться, что кто-то вроде Арасели разделил свою жизнь с таким мерзавцем, ты ее убил. И не один раз, а дважды. Сначала ты разрушил ее жизнь, заставляя ее чувствовать себя никчемной, стоило только тебе появиться на пороге, а затем

ты вытолкнул ее из окна.

Заклученный подобрался и вздернул подбородок.

– Хватит тратить на меня время. Иди и найди этого сумасшедшего с тюльпаном. Хочешь, чтобы он еще кого-то угробил, пока ты здесь прохлаждаешься?

Сестер почувствовала, как каждая мышца в руках напряглась, и, бросившись к заключенному, она схватила его за шею.

– Я не прохлаждаюсь, ты, ублюдок, – встряхнула она его, вне себя от ярости. – Я не прохлаждаюсь! За что ты ее убил? За что?!

Лицо Хосе Мануэля исказилось от ужаса. Запах алкоголя, исходящий из открытого рта, которым он хватал воздух, подпитывал гнев Сестеро. Она сильнее надавила ему на горло.

– Ане! Какого хрена ты творишь? Ане! – распахнув дверь, Айтор схватил Сестеро, пытаясь отцепить ее от заключенного. – Отпусти его!

Сестеро сделала шаг назад. Она чувствовала, что голова вот-вот взорвется. Да что с ней такое? Она в ужасе посмотрела на свои руки. Не появись сейчас Айтор, она могла бы не остановиться вовремя.

В июне 1985-го

Прошло не больше месяца с того Дня матери. Было жарко, на пороге стояло лето, и на площади начала скапливать-

ся гора дров, которая должна была сгореть через несколько дней, в ночь святого Иоанна Крестителя⁴. Малышам, как нас называли те, кто учился в старших классах, не разрешили участвовать в приготовлениях, но стоило им отвлечься, мы добавили несколько сухих веток, которые нашли в лесу. И так шли дни – короткие штанишки и многочасовые игры на улице.

Наверное, было еще не поздно, когда я позвонил в дверь. Было еще светло. Сложно судить об этом в июне: когда я ложился спать, небо было еще голубым... Я никогда не забуду улыбку, с которой она встретила меня на пороге. Она буквально светилась.

Это был последний раз, когда я видел ее такой счастливой.

– Как дела, птенчик, старшеклассники разрешили тебе помогать им с костром?

Вопрос сопровождался громким поцелуем в щеку и чем-то вроде объятия.

Меня смутило ее приветствие, ведь всего несколько часов назад я видел на кухонной стойке мой подарок на День матери. Конечно же, она его даже не открыла.

– Папа вернулся? – Я не мог придумать другой причины для такой радости.

Мама засмеялась и взъерошила мне волосы.

⁴ Праздник Сан-Хуан, ночь святого Иоанна Крестителя, отмечается в Испании с 23 на 24 июня. В эту ночь традиционно зажигают костры и запускают фейерверки.

– Нет. Он вернется через несколько недель, но я уверена, что он хотел бы быть здесь сегодня.

Я заглянул на кухню. В духовке запекались макароны, мое любимое блюдо. Лошадка по-прежнему была там, не распавшаяся. Разноцветные буквы все еще поздравляли маму, которой было безразлично содержимое.

– Уверена, что ты голоден, ты сегодня не обедал, – сказала мама, пригласив меня за стол. Ее ладонь по-прежнему гладила меня по волосам.

Конечно же, я был голоден и, конечно же, не обедал. Это случилось только когда она приносила мне бутерброд в школу, но с каждым разом это происходило все реже и реже. К счастью, мои друзья делились своими бутербродами со мной. Так мне удавалось хоть немного обмануть желудок.

– Иди помой руки, а я положу еды, – сказала она, открыв духовку. От аромата жареного сыра у меня потекли слюнки.

Я подбежал к раковине, и даже холодная вода не остудила мою эйфорию. Я чувствовал себя счастливым, меня любили и ценили. Не могу сказать, что это было совершенно новое ощущение, но я не испытывал его слишком долго.

– Как дела в школе? – спросила она, как только я вернулся к столу.

Я запихнул макароны в рот. Они были вкусными, а золотой сыр – хрустящим, именно так, как мне нравилось. Теперь мне все равно, но тогда я верил, что это деликатес, достойный короля.

– Отлично. Мы устроили рынок в классе. У меня была рыбная лавка. Я продавал кальмаров, сардины, мидии и треску. И лангустинов. Правда, Мария сказала, что это креветки, потому что они очень маленькие.

– Как интересно! А кто покупал?

– Все остальные. Мы всю неделю рисовали и вырезали из бумаги деньги, а также все, что продавали. Я сделал сардины, груши и монеты по двадцать пять песет.

Мама внимательно слушала меня и кивала головой, не теряя непривычного блеска в глазах. Но все же мой подарок остался нетронутым. Мне было больно видеть подарок с пожеланиями счастливого Дня матери, забытым над раковиной.

– У меня есть для тебя новость, – вдруг сказала она. Ее улыбка стала еще ярче, все лицо осветилось. – У тебя будет братик или сестричка.

Я не сразу нашелся с ответом. Мне представилось, как крохотное безволосое существо ползает по дому и забирается мне на ноги. Понравилась ли мне эта идея? Скорее да, хотя я не особо об этом задумывался.

– И кто это будет, мальчик или девочка?

– Не знаю. Ты за кого?

Я пожал плечами. Мне было все равно.

– Девочка, – сказал я, когда понял, что она ждет ответа.

– Я тоже хочу девочку, – призналась мама, поглаживая живот. – А твой отец хочет мальчика. Ему рассказали об

этом сегодня днем по радиосвязи, и он был очень счастлив.

Я представил большое оранжевое солнце, нависшее над спокойным морем. На его фоне вырисовывался силуэт корабля. Там, на палубе, был мой отец. Он руководил своей командой, которая тянула сети, полные серебристых отблесков. Словно по волшебству, волны принесли ему новости, и я был уверен, что в эту ночь они поднимут бокалы хорошего вина, чтобы отпраздновать.

– Она пойдет в мою школу? – спросил я. Я всегда немного завидовал тем, у кого были младшие братья или сестры, которых нужно было защищать, если их кто-то обижал.

– Конечно. Ты будешь ее оберегать?

С этого вечера мама вела себя так, будто знала, что родится девочка, так что все мы привыкли говорить о будущем младенце в женском роде.

– Никто никогда не причинит ей вреда, – пообещал я. Мне нравилось, что у меня внезапно появилась важная миссия в семье.

– Вот и славно, – заключила мама и, забрав мою тарелку, поцеловала меня. Тарелка была такой чистой, будто ее только что достали из шкафа.

Мы собирались перейти к десерту, когда в дверь позвонили. Это была Гойита, соседка сверху. Она была той особой соседкой, к которой всегда обращаешься, когда тебе что-то нужно. Сколько раз я оставался у нее дома, когда была маленьким, а моим родителям нужно было уйти? Невозможно

сосчитать.

– Поздравляю, дорогая... Какая радость! – я узнал ее голос, едва мама открыла дверь. – На каком ты месяце? О, этот маленький животик, который уже начинает расти...

– Уже? Мне кажется, что до сих пор еще не видно. Три с половиной месяца... Что у тебя там, бисквит? Заходи, заходи. Не стой в дверях.

Гойита села за стол с нами, и первые минуты прошли за поздравлениями. Потом они обе встали и оставили меня наедине с бисквитом. Он был вкусным, как и все то, что готовила наша соседка.

– А вот здесь, рядом с батареей, я поставлю колыбель, – услышал я чуть издалека.

– Да, да. Держи в тепле. Я отдам тебе одеяло, которое принадлежало моим детям. Нельзя переохладиться, есть свои минусы родиться в декабре...

– Она будет одна из самых младших в классе.

Малыши... Чувствуя во рту сладость пирога, я мысленно перенесся на школьный двор. Нетрудно было представить, как старшие дети задирают младших. Но с моей сестренкой этого не случится, я позабочусь, чтобы все ее уважали. Никто не посмел бы отобрать еду или мяч у ребенка со старшими братьями или сестрами.

– Нужно будет поставить батарею в ванной. У тебя так же холодно там?

Гойита и мама продолжали свой маршрут по квартире.

Тут одно, там другое. Помню, как странно было слышать об отоплении в то время, как мы распахнули окна, чтобы бороться с жарой.

Печи, кровати, коляски и детские бутылочки... Мир в нашем доме только что изменился. Я помню, что у меня немного кружилась голова от грядущих изменений, но это было приятное волнение. То самое, которое мама излучала каждой клеточкой. Мне нравилось видеть ее такой счастливой.

Вторник, 23 октября 2018

Лист тихонько качался на воде. По краям он засох и стал бурым, но большая часть оставалась зеленой. Дубовый лист. Один из множества, что опадают поздней осенью, чтобы укрыть Страну Басков толстым ковром в ознаменование грядущих холодов.

Сестеро смотрела сквозь него. Она злилась на саму себя. Если ей не удастся справиться со своими порывами, в конце концов ее ждут проблемы.

– Как ты? – раздался голос за спиной.

Это был Айтор.

Сестеро пожала плечами и подвинула рюкзак, освобождая место рядом с собой.

– Прости. Не лучшее мое выступление, – призналась она.

– Это моя вина. С моей стороны безрассудно было пускать тебя в камеру, я же тебя знаю. – Он сел рядом с ней, свесив ноги над водой.

– Этот козел вывел меня из себя. Я не выношу таких типов.

Айтор кивнул. Они не впервые говорили об этом.

– Ты принимаешь все слишком близко к сердцу.

Сестеро снова перевела взгляд на дубовый лист. Его унесло на несколько метров, и скоро он должен был скрыться из

виду.

– Это просто кошмар, – вздохнула она. – Ты знаешь, каково это – трястись каждый раз, когда твой отец вставляет ключ в замок?

– Наверное, это ужасно, – признал Айтор.

Сестеро покачала головой. Ее взгляд бесцельно бродил по каналу. Дубовый лист исчез вдалеке.

– Это происходило не каждый день, но часто. Он приходил поздно, когда все уже поужинали, а мы с братом собирались спать. – Слезы и гнев затуманивали взгляд Сестеро. Воспоминания причиняли боль. – Если он молчал, мы понимали, что надвигается буря.

– Он пил?

– Нет. Алкоголь тут ни при чем. Он был игроком. Тратил последние деньги на игровые автоматы. То есть, конечно, он пил, но его проблема была в азартных играх.

– Зависимость – это хуже всего.

В повисшей тишине раздался вздох, Сестеро попыталась заговорить, но слова застревали в горле.

– Это постоянное унижение. Представь, что ты приносишь ужин своему супругу, а тот швыряет тарелку на ковер. Или выясняется, что кто-то опустошил твой сберегательный счет, и когда ты требуешь объяснений, тебя оскорбляют, трясут и кричат, что это все твоя вина.

– Вот же подонок. – Айтор зажал рот ладонью. – Прости.

– Не извиняйся. Это был ад. Матери приходилось из кожи

вон лезть, чтобы оплатить его игорные долги. А хуже всего было то, что стоило ей начать задавать вопросы, как он становился агрессивным. – Сестеро, сглотнув, помолчала. – Тихо, не то разбудишь зверя. Гребаный ад.

Порыв ветра сотряс тростник на берегу канала. Гнездившиеся в нем цапли заволновались. Кто-то даже взлетел и приземлился в нескольких метрах.

– Почему вы на него не заявили? – спросил Айтор.

Сестеро прикусила губу.

– Не знаю, – вздохнула она. – Почему Арасели Арриета не написала заявление о побоях? Почему молчат тысячи женщин, которые каждый год страдают от жестокого обращения со стороны мужчин?

– Но ситуация улучшается.

– Такими темпами это займет века. А тем временем женщины и дети остаток жизни расплачиваются за это, – Сестеро похлопала себя по груди. – Потому что это не забывается. Это остается с тобой навсегда.

Айтор положил руку ей на спину.

– Мне жаль, Ане.

Сержант кивнула.

– Прости, что тебе все время приходится выслушивать мои жалобы.

– Разве не для этого нужны друзья?

Сестеро печально улыбнулась.

– Мне жаль, что так вышло в камере. Я потеряла контроль.

– Это останется между нами.

Но она знала, что это неправда. Они были не одни. Полицейский, который охранял задержанного в участке, тоже был свидетелем этого представления. Если это будет записано в протоколе, как того требуют правила, это приведет к серьезным проблемам.

На несколько минут воцарилась тишина – ее нарушали лишь крики цапель вдалеке и шуршание тростника на ветру. Мимо прошел поезд, до детективов долетело предупреждение о закрытии дверей, а также дребезжание рельсов, когда состав отправился дальше в Мундаку.

– А у тебя как дела? Ты в последнее время грустный, – сказала Сестеро.

Айтор убрал руку со спины напарницы и ненадолго задумался.

– Я скучаю по ним, но все в порядке, – признался он.

Сестеро знала, что он имеет в виду Лейре Алтуна и маленькую Сару.

– Как Лейре? Она так и не начала снова писать?

– Уже лучше. Время идет. Саре скоро будет три годика.

Три года. С тех пор прошло уже три года... Сестеро задумалась о том, что случилось за это время. Она раскрыла еще несколько дел, ее наградили и повысили до сержанта... И больше ничего. Это немало для человека ее возраста, но все, чем она может похвастаться, – это карьерные успехи. Ее личная жизнь до сих пор – жизнь подростка, который весе-

лится с подругами на вечеринках и делит квартиру с братом.

Ей вот-вот исполнится тридцать, а ей до сих пор не с кем разделить свою жизнь. Субботние интрижки ни к чему серьезному не приводят. Да она и не скучает по ним: если она чему и научилась, так это тому, что лучше быть одной, чем вместе с кем попало. Но порой она боялась, не слишком ли она долго откладывала.

– Возможно, я навещу ее, когда мы вернемся, – заметила Сестеро, возвращаясь к разговору.

– Она будет в восторге. Ты ей очень нравишься.

– Это взаимно, – ответила Сестеро. Она старалась не навязывать свое общество писательнице, чтобы не растревлять старые раны. Смерть отца ее дочери стала очень тяжелым ударом для Лейры. К счастью, она сильная женщина, и к счастью, Айтор с тех пор стал для нее ангелом-хранителем.

– Мы собираемся пожениться, – признался Айтор. Румянец, заливавший его щеки, быстро распространился на все лицо.

Сестеро открыла рот от изумления.

– И вы даже не собирались меня пригласить?

Айтор бросил взгляд на канал.

– Мы не планируем праздновать, просто подпишем нужные бумаги и все.

Сестеро от всей души улыбнулась. Она помнила, как узнала о том, что напарнику нравится Лейре. Тогда прошло совсем мало времени со смерти Иньяки, партнера Лейре, и Се-

стеро просила Айтора не спешить.

– Поздравляю. – Она и правда была очень рада за него. За годы службы Айтор показал себя самым преданным напарником. – Кажется, для заключения брака нужны свидетели. Можете на меня рассчитывать. Я с удовольствием приду.

Сзади раздался шорох гравия, и они обернулись.

– Что вы тут делаете, отдыхаете? – спросил Чема.

– Нам сказали, что вы здесь, – объяснила Хулия. – В квартире задержанного мы не нашли никаких улик. А у вас есть новости?

Сестеро затаила дыхание, и за нее ответил напарник.

– Этот тип не признается в жестоком обращении и тем более в убийстве, – сообщил Айтор.

Прикрыв глаза, Чема склонил голову.

– И все? Больше ничего примечательного не случилось?

Айтор и Сестеро переглянулись. Чема явно был в курсе случившегося в камере.

– Ну... – начала сержант.

– Ничего относящегося к делу, – перебил ее Айтор, закрывая тему.

Чема молча посмотрел на него и повернулся к Сестеро.

– Такие преступники способны пробудить в нас худшие качества, но правила нарушать нельзя, – заметил он серьезно.

Сестеро встретилась с ним взглядом. Она была в его руках. Если он сообщит о случившемся, на нее составят про-

токол и ее отстранят от дела. Отличный шанс для него стать начальником всей группы.

– Что скажете? Вы же не думаете, что этот подонок убил обеих? – спросил Чема, меняя тему. Возможно, на время.

– Нет, только свою жену, – заявила Хулия. – Он убил ее и воспользовался всеобщей паникой из-за убийцы с тюльпаном, чтобы свалить все на него.

– Согласна, – кивнула Сестеро.

Чема с сомнением покачал головой.

– Не забывайте, что сначала у них была ссора, о которой говорили соседи. Это указывает на спонтанное, а не подготовленное убийство. А тут тюльпан в вазе... Возможно, этот тип невиновен.

– Невинный, который жестоко обращался с женой, – возразила Сестеро.

Чема прищелкнул языком.

– Но это не значит, что он убийца. Более того, на этот счет не было ни одного обращения.

– Это он, – настаивала Сестеро.

– А как это вяжется с тюльпаном? – спросил Чема. – Ты же сама выяснила, что эти цветы очень сложно раздобыть в это время года.

Сестеро признала его правоту. Возможно, она пристрастна.

– А что, если он взял цветок из букета, который убийца оставил на могиле Наталии Эчано? – предположил Айтор.

– Накануне этот букет лежал в похоронном бюро. Убийца без каких-либо проблем мог забрать цветок оттуда, – напомнила Хулия.

Чема пожал плечами.

– Можно отнести его к твоей подруге из цветочного магазина. Пусть скажет, когда его срезали, – обратился он к Сестеро.

Та фыркнула. Ей не хотелось возвращаться в магазин к той заносчивой женщине. Но без этой информации ей не обойтись.

– И еще кое-что... – сказал Чема, нахмурившись. – Если подтвердится, что это было домашнее насилие, тогда это не наше дело. Нам придется передать его комиссару и его шайке.

Пренебрежительный тон, в котором он произнес последние слова, разозлил Хулию:

– Ты засранец.

Сестеро бросила на Айтора заговорщицкий взгляд и попыталась подавить смех.

Чема поправил узел галстука и глубоко вздохнул:

– А еще твой начальник.

К счастью, их отвлекла веселая трель мобильного. Хулия поднесла руку к карману и убедилась, что это не ее телефон.

– Это у тебя, Сестеро.

Такое случалось с ними не впервые. У обеих стояла мелодия по умолчанию.

– Слушаю, – Сестеро ответила на звонок.

На экране отобразился номер ее начальника.

– Скажи мне, что это неправда. Как можно было так слететь с катушек? – В тоне Мадрасо смешались гнев и неверие. – Какого черта, Ане, ты позоришь меня. Бискайцы хотели, чтобы команду возглавил тот парень из Интерпола, а я боролся за тебя...

Ане ощутила, как у нее онемело горло. Она не могла дать удовлетворительный ответ. Она знала, что он позвонит, но не так скоро. Новости распространились слишком быстро. Чема и его аккуратно завязанный галстук расплылись перед ней сквозь завесу слез. Она чувствовала себя обиженной, преданной и в то же время виноватой в том, что не оправдала доверия Мадрасо.

– Прости, – пролепетала она, сделав несколько нетвердых шагов, чтобы отойти от напарников, чьи взгляды были прикованы к ней.

– Такое заносят в личное дело. Как можно было наброситься на задержанного?

– Я не набрасывалась на него. Я просто...

Начальник не дал ей договорить. Он звонил не для того, чтобы выслушивать оправдания.

– Мне все равно. Существуют комнаты для допросов. Почему ты не отвела его туда? Каким бы подонком ни был этот парень, у задержанных есть свои права.

– Прости, – повторила Сестеро. У нее кружилась голова,

а перед глазами стояла картина: вот отец унижает мать, та рыдает, а маленькая Сестеро забилась в угол, пережидая бурю. – Все вышло из-под контроля.

В трубке повисла пауза, Мадрасо замолчал. Из тростника на другом берегу канала раздался пронзительный крик.

– Что это? Где ты? – спросил начальник.

– Какая-то птица. Это же Урдайбай.

– Птица? Я думал, кому-то перерезали горло. – Еще одна пауза, на этот раз короче. – Ане, так нельзя. Ты сержант, ты подаешь пример. Твоя горячая кровь поставит под угрозу твою карьеру. Ты что, хочешь вернуться домой с отметкой в личном деле? У нас тяжелая работа, она требует самообладания. Ты думаешь, у остальных не чешутся руки? Чешутся, да еще как. Но мы контролируем свои эмоции. Зачем, по-твоему, я занимаюсь серфингом каждый день? Всем, кто вынужден сдерживаться на работе, нужно как-то выпускать пар.

Сестеро молча кивнула. Она понимала, что он прав, и знала, что ей будет трудно. Ее кровь сразу начинает кипеть. Жаль, что под рукой нет барабанной установки. Ей не помешали бы пара песен и перешучиваний с подругами, чтобы сбросить напряжение и вернуться в реальность.

– Кто меня сдал?

– Не знаю, – ответил Мадрасо. Действительно не знает или не хочет говорить? Второе, решила Сестеро, но не стоит его винить. Так будет лучше. Она была уверена, что это был Чема, хотя, возможно, и кто-то в полицейском управлении.

– Ты отстранишь меня? – спросила она, наклоняясь к каналу. Собственное отражение в воде разлетелось на тысячу волнистых осколков, когда гравий под ее собственной ногой разбил хрупкое зеркало. В ожидании ответа она повернулась к коллегам, которые тут же отвели взгляд. Птичьи крики мешали им услышать разговор, но и без того было понятно, о чем идет речь.

– Мне пришлось несладко, – признался Мадрасо. Злость уступила место недовольству. – Мне пришлось выслушать, что я назначил тебя главой группы только потому, что ты прыгнула в мою постель.

– Прыгнула в твою постель? – воскликнула Сестеро, ее гордость была уязвлена. – Мы встречались почти два года, а теперь это называется так?

– Ане, не начинай... Это то, в чем меня обвиняют из самого Эрандио, это не мои слова. Стоит ли мне напомнить, что это ты бросила меня, потому что не хотела обязательств?

Сестеро сжала свободную ладонь в кулак и сделала глубокий вдох, тщетно пытаясь успокоиться.

– Я сыта по горло постоянными извинениями. Об этом ты не думал? Нет, конечно же нет, потому что ты мужчина. А я должна оправдываться каждый день, каждый час. Женщина не может подняться по карьерной лестнице сама. Ее заслуги всегда будут ставить под сомнение. Если я глава группы, то только потому, что трахалась с начальником. Они даже считают, что я слишком молода, чтобы быть сержантом, хотя это

был внутренний конкурс, куда любой мог податься.

Мадрасо не ответил. Ане представила, как он кивает, поджав губы, в знак согласия. Это не первый и, конечно, не последний раз, когда у них происходил подобный разговор. Хотя они старались держать свои отношения в секрете, слухи поползли очень скоро. С тех пор ей вслед бросали подозрительные взгляды и злобные комментарии. Хуже всего было то, что самая отвратительная клевета исходила из уст других женщин-полицейских.

– Это все от зависти, – сказал Мадрасо. – Не обращай внимания.

Ане фыркнула.

– Вот отстой.

– Все устаканится, – сказал ее начальник и добавил: – Со временем.

Сестеро прикусила пирсинг зубами. Ей не хотелось говорить первое, что пришло в голову.

– Мне жаль, что так вышло с задержанным. Этого больше не повторится. – Ане знала, что сдержать обещание будет нелегко, но она была полна решимости. Она не могла себе этого позволить.

– Не усложняй мне задачу. На этот раз мне удалось их остановить. Тебя могли даже выгнать из полиции. Повезло, что полицейский не внес это в протокол и это нигде не зафиксировано. Иначе бы все закончилось плачевно, – Мадрасо сделал долгую паузу, собираясь с мыслями. – Ты луч-

шая, Ане. Не облажайся снова.

Вторник, 23 октября 2018

Ладонь правой руки ласкает верхушку тюльпанов. Они красные, и их яркость сравнима разве что с их хрупкостью. Воздушный поток заставляет их танцевать плавно, элегантно и с достоинством. Скоро они засохнут. Их эфемерный жизненный цикл завершится, и останутся лишь несколько печальных лепестков, которые тоже в конце концов истлеют.

Нужно поторопиться. Его работа только началась, но уже скоро подойдет к концу. Нечестно, когда у тебя нет времени наслаждаться величайшим достижением своей жизни. Но другого выбора нет, и он знал это с самого начала.

Еще раз проверить новости на мобильном телефоне. Сколько раз он уже делал это за последние несколько минут?

Ничего. Они пока не связали его летнюю работу с событиями последних дней. Он думал, что они куда опытнее, эти журналисты и полицейские, расследующие дело. И все же ни в одной газете, ни на одном канале не говорят о трех жертвах. Только о двух, да еще сомневаются, что женщина, которая всего несколько часов назад бросилась в пустоту, – дело его рук. Почему они не желают признавать его заслуги?

Придется отправить это фото. Они заставили его.

Приблизить нос к тюльпанам. Их аромат такой тонкий, такой нежный. Напоминает орехи, только что собранные с де-

рева и еще не полностью созревшие. Он никогда не думал, что этот запах будет таким чудесным.

Ножницы неприятно холодят руки. Не будет приятно и цветам, которые падают, скошенные стальным лезвием, чтобы потом он составил пышный букет. На его глаза набежали слезы, но ничего удивительного. Такие моменты вызывают в нем прилив чувств. Печаль сливается с эйфорией, а любовь – с ненавистью.

С ними нелегко справиться, и чем ближе к концу, тем сложнее. Но он должен преуспеть, и он знает, что у него получится. Его творение того заслуживает.

Вторник, 23 октября 2018

Сестеро тихонько захлопнула дверь машины, словно браконьер, который не хочет привлекать к себе внимание. Простенькая мотыга и пластмассовое ведро станут ее спутниками на ближайшие часы, равно как запах грязи и морской соли, пропитавший все вокруг. Дождь уступил место туману, клочья которого проплывали мимо подобно призракам. Обычное явление в это время года из-за разницы температур между еще теплым морем и воздухом.

Сделав глубокий вдох, Сестеро прикусила пирсинг во рту. Она не чувствовала страха, но нервничала. Она знала, что как только ступит на песок, то сделает что-то противозаконное, а на сегодня она уже натворила достаточно. Однако эту вылазку она задумала еще накануне, когда поняла, что нет смысла наблюдать за браконьерами издалека. Их всего четверо, и они не могут устроить рейд против браконьеров, которые знают залив гораздо лучше них. Конечно, всегда есть возможность обратиться за помощью в полицейское управление Герники, но до тех пор, пока Олайсола не вычеркнут из списка подозреваемых, Сестеро не собиралась сотрудничать с его командой. Единственная, кого можно исключить, – это жена комиссара. Она провела несколько дней в Мадриде – алиби, которое ей легко удалось подтвердить.

Переживания из-за случившегося в камере и последующего звонка Мадрасо все еще были слишком свежи. Ей нужно было побыть одной, привести мысли в порядок и занять голову другими вещами, которые отвлекут ее от чувства предательства. И она не придумала ничего лучше, чем раствориться одной в урдайбайской ночи. Перед уходом из гостиницы она хотела предупредить Айтора, но передумала, увидев, что он созванивается с невестой. На заднем плане заливался лаем Антоний. К чему отвлекать Айтора, если нет никакого риска? Кроме того, напарник стал бы настаивать на том, чтобы отправиться с ней, а она не хотела вовлекать его во что-то не совсем законное.

Песок проваливался под каждым шагом.

Силуэты рыбаков становились все ближе и ближе. Никто из них не заметил ее появления. Ей нужно было привлечь внимание. Подойдя к одному из них, Сестеро начала неуклюже ковырять землю мотыгой.

– Здесь что, места больше не нашлось? Не видишь, что тут уже занято?

Сестеро добилась первой цели: с ней завязали разговор.

– Залив не твой, – заявила она и тут же упрекнула себя за резкость. Конечно, она должна вести себя неприветливо, как и положено браконьеру, но, если она хочет получить информацию от этого человека, нельзя сразу обрывать беседу.

Рыбак-браконьер бросил на нее презрительный взгляд.

– Да ты-то вообще в этом не разбираешься. Здесь ты ниче-

го не поймаешь, – бросил он с насмешкой, отвернувшись. – И куда ты тащишься с детским ведерком? Придется бежать, так все моллюски оттуда повыпадут.

Бросив мотыгу, детектив поспешила за ним.

– Прости, я неправа. Я здесь впервые и немного нервничаю...

Рыбак замер и посмотрел на нее снова, на этот раз скорее с любопытством, чем с раздражением, и протянул руку. Это был мужчина средних лет с залысинами и крепкими огрубевшими ладонями. Несмотря на темноту, Сестеро заметила на его лице усталое выражение, какое бывает у тех, кто слишком часто видел, как от них отворачивается фортуна.

– В первый раз все нервничают... Я Педро, – представился он, крепко пожимая ей руку. – Если не хочешь уйти с пустым ведром, иди дальше по берегу. Здесь почти ничего нет.

– Спасибо. Я просто не знаю, как это делать, но мне нужны деньги. Я беременна и... – собственная ложь застала ее врасплох.

– Поздравляю, – протянул рыбак без особого энтузиазма. – У меня трое. Это твой первый?

– Да, первый. И я без работы...

В скудном оранжевом свете, отраженном от облаков, она увидела, что Педро кивнул.

– Это то, что привело сюда всех нас. Я всю жизнь работал на литейном заводе, и тут приходят русские и покупают его. А знаешь, что происходит дальше? Конечно же, сокращение.

И вот я оказываюсь на улице с грошовым выходным пособием. Вчера у меня было собеседование, и мне сказали, что я слишком старый. Старый! Сорок лет... Это очень тяжело. И теперь больше не выдают лицензии на ловлю моллюсков. Либо ты приходишь ночью, либо без вариантов.

– Понимаю.

– И что мне остается делать? Попрошайничать? Так, по крайней мере, я могу зарабатывать на жизнь и оплачивать учебу детей.

Сестеро не могла поверить своей удаче. С Педро будет намного легче, чем она ожидала. Ей просто нужно направить разговор в нужное русло.

– А кто покупает у тебя моллюсков? – спросила она. Рыбак замолчал, и она поняла, что слишком быстро сменила тему. – В смысле, если я наберу ведро, кому я могу их продать?

Вдалеке, у самого отлива виднелись силуэты двух других браконьеров. Спутать их с кем-то другим было невозможно: они согнулись над песком с небольшой мотыгой в руках.

– Не волнуйся, я позабочусь об этом. Отдашь мне свою добычу, а завтра рассчитаемся. И не рассчитывай набрать полное ведро в первую же ночь. К тому времени, как ты это поймешь, начнется прилив, и ты уже не сможешь поймать ни одного моллюска.

– Я хочу продавать напрямую.

– Тогда ищи ресторан, который у тебя их купит. Здесь у

каждого свои клиенты.

– А я думала, что кто-то один покупает все, а затем сам занимается продажей...

Браконьер издал смешок.

– Вот еще. У нас тут не настолько все налажено. Каждый идет своим путем. Дай мне свой номер телефона. Я помогу тебе.

– Свободные люди, – протянула Сестеро, скрывая свое разочарование. Если никто не руководит всеми этими мужчинами и, возможно, женщинами, то им придется отместить незаконную ловлю моллюсков как возможный мотив преступления. И без того трудно представить, как контрабандный торговец убивает кого-то, чтобы защитить свой бизнес, но то, что это могли сделать безработные за пригоршню евро, – это уже на грани фантастики.

– Твои знают, что ты здесь? – спросил рыбак, сделав звонок на номер Сестеро. – Видишь это отверстие в песке? Вот твой моллюск. Давай, бери мотыгу.

Сестеро нахмурилась. Вопрос насторожил ее. Зачем он спрашивает? Внезапно она пожалела, что не взяла с собой пистолет.

– Нет, я никому не говорила, куда собираюсь, – ответила она и наклонилась, чтобы потрогать песок рукой. Он был не зернистый и грубый, как на пляже, а липкий и грязный. Неприятное ощущение. Но вот он, ее первый моллюск, круглый и холодный.

– Поздравляю. Вот и несколько центов, – сказал Педро, доставая из кармана пачку «Дукадос». – Ты куришь? Конечно, нет, у тебя же ребенок. Тем лучше. А мне пора бы бросить. – Он поднес обе руки к лицу, защищаясь от ветра, и щелкнул зажигалкой. – Неудивительно, что ты никому не сказала, что отправилась за моллюсками. Я уже несколько месяцев этим занимаюсь, и никто не знает. Семья думает, что я еду на фабрику, ночная смена. Не хочу, чтобы дети знали, что я неудачник. – Он задумчиво вздохнул. – Ищу моллюсков, пока отлив позволяет, а остаток ночи провожу в машине, пытаясь хоть немного поспать. В половине седьмого я захожу в дом, как раньше, когда эти козлы еще не вышвырнули меня, будто старого пса.

Сестеро огляделась вокруг. Другой браконьер потихоньку приближался к ним. Он бродил то туда, то сюда, как и все они, снова и снова сгибаясь отточенным движением.

– Ты не неудачник.

– Еще какой.

– Вовсе нет. Твои дети гордились бы тобой.

Педро горько рассмеялся и сделал последнюю затяжку. Затем затушил сигарету о подошву, сунул окурочок в пустую пачку и убрал ее в карман.

– Дети никогда не гордятся своими родителями.

Сестеро подумала о собственной семье. Что ж, браконьер прав.

– А эта убитая журналистка, она сильно вам мешала? –

Склонившись над вторым моллюском, Сестеро затаила дыхание в ожидании ответа.

– Достаточно, – признал Педро. – Она добилась того, что однажды полиция приехала, чтобы всех нас записать. Вот скажи мне, какой от нас вред? Заливу ничего не делается от того, что несколько бедняков достанут несколько килограммов моллюсков. Но она упорно занималась обличением несчастных бедняков вместо сильных мира сего. Можно подумать, что в Гернике нет негодяев, на которых стоит обратить внимание. Хорошо хоть, что в последнее время она взялась за наркоторговцев. Вот это действительно опасные люди.

Сестеро выждала немного, чтобы придумать ответ. Педро только что подарил ей шанс, и нельзя его упускать.

– Я думала, это просто фантазии Наталии. Здесь что, правда есть наркоторговцы?

– А то. И если их не приструнят в ближайшее время, мы превратимся во второй Альхесирас⁵, – заявил рыбак, наклонившись за моллюском. Ополоснув его в луже, он протянул его Сестеро. – На, держи, а то уйдешь ни с чем.

Детектив не могла позволить ему закрыть тему.

– А полиция что, ничего не делает?

Педро вздохнул.

– У этих наркобаронов слишком много власти. Да скоро

⁵ В апреле 2018 года в порту Альхесирас (провинция Андалусия) перехватили крупнейшую в истории страны партию кокаина – почти 9 тонн.

сама узнаешь. Просто приходи сюда несколько ночей подряд, и увидишь своими глазами.

– Вы их однажды видели? Правда, что ли? – Сестеро отложила мотыгу.

– Однажды? – Рыбак ухмыльнулся. Он махнул рукой в сторону противоположного берега. Слабый оранжевый ореол, состоящий из миллионов взвешенных частиц воды, окружал каждый уличный фонарь. Остальное погрузилось в полную темноту. Это был мир теней, где море и суша обнимались в замысловатом лабиринте каналов и топей, которые туман делал еще более непроходимыми.

– Если они там, значит, будет разгрузка.

Сестеро не поняла, о ком он.

– Я никого не вижу, – сказала она, прищурившись.

Педро сплюнул.

– Рыбаки. Любой, кто хоть немного знаком с морем, понимает, что во время отлива рыбу не ловят. И что же, интересно знать, делают там под покровом ночи эти ребята с удочками, когда песка здесь больше, чем воды?

Теперь детектив наконец их разглядела. Они расположились там, один за другим, каждые двадцать или тридцать метров.

– Они занимают места во время отлива. Позже, когда уровень воды поднимается и можно плавать, к ним на полной скорости подходит катер, проходит мимо и уплывает куда-то в сторону Герники.

– И это наркоторговцы?

Педро горько фыркнул.

– То, что показывают в «Кокаиновом берегу»,⁶ – просто детские шалости по сравнению с ними.

Ребята.

– А полиция?

Сплюнув, Педро сунул руку в карман и вытащил новую сигарету.

– Они в доле. А ты как думала? Их больше волнуем мы. Один раз я видел патрульный катер в заливе рядом с ними. Я так слышал, что пару недель назад они перехватили лодку в Муруэте. Но, конечно, ничего не нашли.

– А наркотики?

Педро пожал плечами.

– Без понятия. Эти ребята знают, что делают.

Больше Сестеро ничего от него не добила. То ли Педро больше ничего не знал, то ли не хотел делиться с новой знакомой.

– Думаешь, это они убили журналистку? – спросила Сестеро, снова взяв мотыгу в руки.

– Если у тебя много власти и много врагов, ничем хорошим это не кончится, – заявил он, после чего отошел с сигаретой в зубах.

⁶ «Кокаиновый берег» (также «Мука») – испанский криминальный телесериал 2018 года.

Среда, 24 октября 2018

Бискайский залив в то утро был не особенно щедрым, посылая на побережье редкие и невысокие волны. Хулия поняла это еще до того, как вышла из дома: она выглянула из окна спальни, когда еще не рассвело. Однако она все равно пришла и теперь терпеливо ждала, когда море подарит ей череду достойных волн. Она была не одна. На досках лежали с полдюжины других серферов. Она знала почти всех. Уже много лет подряд они встают ни свет ни заря, чтобы покататься на волнах перед работой. Она знала по именам всех, кроме девушки в зеленом неопреновом костюме на оранжевой доске – та была одной из многочисленных американцев, которые приезжают обкатать знаменитую левую волну Мундаки.

Раньше здесь было больше женщин. Эстичу, Лореа, Лоли... Теперь они стали матерями, и их можно встретить на прогулке с колясками, но не среди волн. При мысли о них Хулия инстинктивно прижала руку к животу, не в силах избежать мимолетного ощущения пустоты.

Когда ее в последний раз спрашивали, не думает ли она завести детей? Не так давно, это популярный вопрос. Она устала от напоминаний о том, что ей чего-то не хватает. Устала и обескуражена.

Хуже всего, когда остальные считают, что ее заветное же-

вание – стать матерью, и пытаются подбодрить ее, говоря, что она просто еще не нашла партнера, с которым можно было бы сделать этот шаг.

А вдруг она не хочет быть матерью?

Именно в этом и заключается проблема: она еще не нашла ответа на вопрос, который она в последний раз задавала себе четыре года назад. Нет, тогда она знала точно: она хочет быть матерью и станет ей.

Пока ее мысли блуждали, на горизонте появилось солнце. Его присутствие чувствовалось в облаках, окружавших Огонь: небо покрылось трещинами, предвещавшими небольшой дождь. Постепенно окружающий мир, который только что был печальным и серым, обрел цвет.

– А вот и они! – воскликнул Икер, один из тех, кто не пропускал ежедневную встречу с Бискайским заливом.

Серферы переглянулись и решили, что в этот день честь обуздать лучшие волны выпадет Хулии. Среди многих неписаных правил серфинга есть и такое: уступать лучшие волны лучшим.

Хулия бросила взгляд на остров Исаро, скалистое плато посреди залива. Икер не ошибся: волны действительно с удвоенной силой бились о берег.

Она посмотрела на часы. Оставалось десять минут. Этого хватит, чтобы прокатиться на одной из волн до работы.

Ей это нужно. Зачем только Чема вернулся? Сколько раз она просыпалась этой ночью, думая о нем, воображая, как

она бросит ему в лицо всю боль, которую он ей причинил. Это неприятные чувства. Она отдала бы все на свете, лишь бы он исчез навсегда.

Неужели?

Она даже не была уверена, что хочет именно этого.

И это было большее всего.

Было холодно. Долгое ожидание начинало сказываться. Она немного проплыла на доске, выбирая место, где можно встать, не мешая окружающим. В ноябре это не сложно. Сложно летом, когда на пляже собираются десятки серферов. Настолько, что иногда Хулия меняет свое хобби на каное. Гребля тоже расслабляет, правда, не так сильно, как серфинг.

Череда волн наконец-то докатилась до них. Как всегда, их было три. Три волны, которые разделяют несколько секунд. Она подплыла к первой. Поздно. Волна уже разбилась. Хулия крепко схватилась за доску, и ее накрыло пеной. Адреналин беспокойно пробежал по артериям. После почти двадцати минут ожидания она не может пропустить волну.

Она вынырнула чуть подальше, как раз вовремя, чтобы подплыть ко второй волне, которая была больше первой. Хорошая волна. И на этот раз она не опоздает.

– Давай, Хулия! – подбодрила она себя.

Это была левая волна, как и все волны в Мундаке. Прежде чем Хулия додумала эту мысль, она уже стояла на доске, на гребне волны. Ее ждал спуск в несколько метров длиной.

Доска заскользила на полной скорости, всегда влево, всегда вперед. Волны в Бискайском заливе почти сразу образуют трубу: теперь она находилась внутри моря, в самом сердце волны. От скорости закружилась голова, мир вокруг взревел, он пах морем и свободой. На несколько мгновений все замерло. Исчезло все, кроме водяной трубы, по которой она скользила. В конце концов все закончилось: волна разбилась и превратилась в пену, окрашивая все в белый цвет.

Хулия была счастлива. Она чувствовала власть над морем. Она приручила его, будто дикую лошадь.

Часы подсказали, что время истекло. Это случается слишком часто: стоит только Бискайскому заливу расщедриться, тебе уже пора на работу.

Она поплыла к берегу. Пляж выглядел пустынным, любители утренних прогулок еще не пришли. Первыми всегда появляются собачники, следом – пенсионеры. Но сейчас никого из них не было.

Она шла по мокрому песку, оставляя за собой следы.

– Хулия!

Обернувшись, детектив увидела позади себя Аймара Берасарте, журналиста с «Радио Герника». Они были знакомы давно, почти всю жизнь. Вместе учились в школе, но никогда не были особенно близки.

– Мне сказали, что ты работаешь над делом об убийстве Наталии, – сказал Аймар, приблизившись с доской под мышкой.

Они с Хулией не единственные серферы за сорок. В последние годы многие их ровесники, в основном мужчины, ощутили интерес к покорению волн.

– Так говорят? – спросила она.

– Есть новости?

– Не особенно.

– Не поделишься?

– Ты же знаешь, что я не могу.

– Люди хотят знать. Здесь никогда не происходило ничего подобного. Ты представить не можешь, сколько звонков поступает нам на станцию... Скоро, как только начнется моя программа, нам оборвут телефон.

Хулия прекрасно это понимала. Она тоже жила в Урдайбае, тоже каждый день ходила за покупками и тоже пила кофе в баре по утрам. Жизнь в Гернике, Бустурии, Мундаке и других окрестных поселениях перевернулась с ног на голову. Еще бы, ведь обычно все новости здесь вращаются вокруг соревнования за лучшие помидоры или проблем судостроительной компании Муруэты. Это было неизбежно. Все только об этом и говорили, и общественная тревога дошла до крайней точки.

– Думайте, прежде чем делать какие-то заявления, – сказала Хулия.

– Я не делаю никаких заявлений, а просто делюсь тем, что знаю.

– Это одно и то же. Вы раздуваете эту историю, чтобы под-

нять рейтинги. И тем самым подыгрываете убийце.

– Я всего лишь обнародую информацию, которая ко мне поступает. Расскажи мне что-то стоящее, что может успокоить людей, и все останутся в выигрыше.

Хулия остановилась и положила доску на песок.

– Судья наложила запрет на разглашение материалов следствия. Я при всем желании не могла бы тебе ничего рассказать.

– Глупости. Сколько раз в прессу просачивалась информация с ограниченным доступом.

– Не от меня, – заявила Хулия.

– Никто и не узнает, что это была ты. Поверь, ты тоже от этого выиграешь. *Сегодня в Гернике* – очень популярная программа. Представь, что я начну восхвалять тебя перед всеми. Ты станешь самым известным детективом в округе, спасительницей... Разве ты не хочешь повышения?

Хулия презрительно сморщила губы. Больше всего в людях вроде Айтора Берасарте ее возмущало, что ради восхищения со стороны других они зачастую готовы пожертвовать собственной порядочностью. Журналист уже был таким во время их учебы и, по-видимому, не изменился ни на йоту.

– Для меня главное – это хорошо выполнять свою работу, – отрезала Хулия.

Аймар усмехнулся.

– Двое уже мертвы. Если твоя работа заключается в том, чтобы переполнить Урдайбай трупами, ты уже на пути к сла-

ве.

Хулия открыла рот, но не знала, что ответить. Это бесполезно.

– Да пошел ты, – пробормотала она, убирая доску для серфинга обратно под мышку.

Журналист смотрел ей вслед, не скрывая улыбки.

– Тебе очень идет этот костюм, – крикнул он. – Очень.

Среда, 24 октября 2018

Там было шумно. Очень шумно. В баре стоял привычный утренний переполох. Посетители приходили и уходили, после секундной передышки кофемолка начинала трещать снова и снова, телевизор вещал на полной громкости. Обещали дождь – какая новость. Кто-то из завсегдатаев начал жаловаться, что неделями не видел солнца, а из-за барной стойки ему ответили, что странно удивляться этому в ноябре. Но ведь раньше было не так, это все изменение климата. А как было? Да ладно тебе, дождь же не круглый год моросит... Обычные утренние разговоры, болтовня за чашкой кофе, когда собеседники даже не смотрят друг на друга: один не останавливаясь пьет кофе, другой помешивает напиток ложкой или уставился в телевизор.

– Налей мне святой воды. Заодно сполоснешь, – попросил один из посетителей, протягивая пустую чашку бармену, и тот плеснул ему немного орухо⁷.

– Только сегодня, только сейчас! Кто выйдет отсюда без лотерейного билета, вечером об этом пожалеет, – воскликнул слепой. Он расположился на обычном месте возле две-

⁷ Орухо – крепкий алкогольный напиток родом из северо-западных провинций Испании. Представляет собой продукт перегонки сброженных остатков винограда после их отжимки в процессе изготовления вина.

ри, чтобы никто не ушел просто так.

– Боже, Креспо, ты такой занудный... Такими вещами не шутят. Давай мне уже свой билет, а то ведь не угомонишься.

Слепой рассмеялся.

– Берите пример с Венансио. Он знает, что делает. Вы обречены пахать, а он будет рассекать по Карибскому морю на собственной яхте.

– Каждое утро одно и то же. Вот поганец. Дай-ка и мне один. Нет, не этот. Такой же, как у Венансио, а то что это – он выиграет, а я нет.

– Ух ты... Мой любимый полицейский тоже здесь, – кто-то дотронулся до татуировки Сестеро. Прикосновение было настолько легким и мимолетным, что Сестеро почувствовала, как по шее пробежали мурашки.

Она повернулась, чтобы возмутиться, но передумала. Татуировщик сделал забавный жест руками, словно прячась от ее неминуемого гнева.

– Выпей кофе и не неси чушь, – сухо сказала она, скрывая улыбку.

– Мне черный. – Рауль сделал заказ.

– И мне повторите, пожалуйста, – попросила Сестеро. Ей был нужен кофе. Она спала всего несколько часов, и глаза слипались.

Бармен поставил перед ними чашки и продолжил вынимать посуду из посудомоечной машины.

– Да найми ты себе помощника, ты же себя загонишь. Бу-

десь самым богатым на кладбище, – заявил посетитель с орухо.

Другой завсегда, кидавший монеты в игровой автомат, повернулся к барной стойке.

– Подожди, сейчас еще явятся эти ребята из мэрии и закажут тосты с маслом и джемом. Вот тогда ты запоешь.

– Ох уж эти чиновники и их бесконечные завтраки, – возмутился кто-то.

– Эй, следи за словами. Хватит уже этих городских легенд. Вы бы видели наш рабочий график. Если бы производительность измеряли с помощью... – встрял один из читавших газету за столиком.

Ему не дали закончить. Он был в явном меньшинстве.

– А вот и защитник. В суде вы их тоже защищаете, – пожаловался художник в белом свитере, только что вышедший из туалета.

Сестеро была рада, что тем утром они обсуждали не убийство в Урдайбае. Обеспокоенная общественность – злейший враг расследования. Пусть болтают о чиновниках, о недавнем трансфере игрока из «Атлетика»⁸ или о том, как все подорожало, – о чем угодно, только бы лишний раз не сеяли страх.

– Я все еще жду тебя. Когда ты заглянешь ко мне, чтобы ее закончить? – Рука Рауля снова потянулась к татуировке

⁸ «Атлетик» – футбольный клуб из Бильбао, который выступает в испанской Премьер-лиге (Ла Лига).

Сестеро, но Ане отодвинулась, прежде чем он ее коснулся.

– Посмотрим.

– И предложение прокатиться на лодке тоже не принимается? Мы могли бы отправиться в Сан-Хуан-де-Гастелугаче, на мыс Мачичако, на остров Исаро...

Сестеро поморщилась. Ей не хотелось объяснять, что ее начинает укачивать, едва она оказывается на воде.

– Предпочитаю твердую почву под ногами.

– Тогда как насчет скалолазания?

На этот раз ему удалось ее заинтересовать.

– Посмотрим, – повторила Сестеро, пряча легкую улыбку за чашкой кофе. Она уже несколько недель не лазила по скалам. В последний раз она повредила запястье на отвесных скалах Айако-Арриа и с тех пор не поднималась в горы. Предложение Рауля пробудило в ней желание вернуться, но откуда он мог знать, что это единственный вид спорта, которым она занимается?

– Из тебя бы точно вышел хороший полицейский, – признала Сестеро, поняв, что ее наверняка выдали мышцы рук.

– Это значит «да», – обрадовался Рауль. – Когда встретимся?

– Смотрите, Герника, – крикнул художник.

Все, включая слепого, повернулись к телевизору. Будничные разговоры рассеялись, будто туман на рассвете под первыми лучами солнца. Сестеро тут же поняла, что тревога всегда была здесь, нужно было просто слегка поскрести, что-

бы она выползла на свет.

– Это же твой бар! – сказал кто-то бармену. – Да ты теперь прославишься. И смотрите, фургон Венансио. Смотрите, он припарковался вторым рядом.

Раздались смешки, и Венансио запротестовал. Слепой тут же заявил, что скоро проблема отпадет сама собой, потому что он сможет купить все парковки в городке. А тем временем ведущий заговорил о странной связи с Галисией.

– Сейчас окажется, что убийца – дон Мануэль Фрага⁹, – пошутил кто-то.

– Он вообще-то умер, кретин. Тут замешаны наркотики, как я и говорил с самого начала. Ну и кто теперь со мной будет спорить?

Сестеро пыталась расслышать сквозь гул, о чем именно идет речь.

– Сделайте погромче, – попросила она бармена.

– Сейчас.

Ведущий с кафедральным собором Сантьяго-де-Компостела на заднем плане объяснил, что несколько месяцев назад в Галисии было совершено странное преступление, которое до сих пор не раскрыто. Сестеро не понимала, какое отношение это имеет к делу, которым она занимается, пока на экране не появилось фото женщины в гробу. На фоне белого

⁹ Мануэль Фрага (1922–2012) – известный испанский политик с неоднозначной репутацией: будучи одним из влиятельных сторонников Франко, после крушения диктаторского режима занимал различные посты в демократической Испании. В 1990–2005 годах был председателем автономного правительства Галисии.

савана ярким пятном выделялся красный тюльпан. Никто не придавал значения этой детали до тех пор, пока несколько часов назад кто-то анонимно не отправил снимок в газету *Фаро де Виго*.

– Это ведь не совпадение? – спросил Рауль.

Сестеро не ответила. Ее разум заработал на полную мощность: она искала связи, пыталась понять, что делать дальше, и сожалела о трудностях, которые их теперь ждут. Два региона, два полицейских управления, два судьи...

Фыркнув, она достала из кармана мобильный. Он уже над- рывался.

Звонил Чема. Он всегда оказывается первым, будто его выгнали из дома. Должно быть, услышал новости и хочет по- делиться.

– Сестеро, – она ответила на звонок.

– Есть новости.

– Да, только что видела по телевизору, – сказала она, вы- ходя из бара.

– По телевизору? Быть не может. Мы сами только что узнали.

– И тем не менее это показали в новостях.

В динамике послышался тяжелый вздох.

– Ты его выпустишь или мне это сделать?

Сестеро нахмурилась.

– Ты о ком? Кого ты хочешь отпустить?

– Ну этого, который жестоко обращался с женой. Ты же

сама сказала, что видела его по телевизору.

– Кажется, мы с тобой говорим о разном. А с ним-то что? Опять ломка?

Вчера вечером, когда Сестеро направлялась к браконьерам, ей позвонили из ночной смены. Хосе Мануэль сходил с ума в камере, бился головой о стену и отчаянно умолял о дозе героина.

Чема поцокал языком.

– Нет. Он пока не пришел в себя. Врачи вкололи ему львиную дозу успокоительного. Но его засняли камеры в супермаркете. У него есть алиби на момент преступления.

Сестеро подумала о собственной матери.

– А что насчет оскорблений и шума в квартире Арасели, это уже ничего не значит?

– Я понимаю. Но это не является уликой. Парень был в супермаркете, когда его жена выпала из окна.

– Мы слишком быстро исключаем самоубийство. Что, если Арасели не выдержала очередного унижения? И выбросилась, оставшись дома одна? – в отчаянии предположила Сестеро.

– На месте преступления обнаружили тюльпан. Это было убийство.

Сестеро поджала губы. Она понимала, что Чема прав. Нужно отпустить его, пусть даже эта мысль ранила до глубины души. Ужасное начало дня.

– Выпускай его ты, – фыркнула она. – И лучше, если ты

сделаешь это прежде, чем я вернусь.

Среда, 24 октября 2018

Едва Хулия ступила на порог полицейского участка, как поняла, что случилось что-то плохое. Коллеги в коридоре кидали на нее взволнованные взгляды.

– Смотри, – сказал Чема вместо приветствия, повернув к ней экран. Его лицо говорило само за себя, он был разгневан.

Хулия сразу узнала себя. Черный неопределенный костюм обтягивал каждый сантиметр тела, мокрые локоны небрежно падали на плечи, под мышкой она держала доску для серфинга. При виде себя такой она ощутила во рту привкус морской соли. Свобода. Однако снимок сопровождался разгромной подписью:

ПОКА ГЕРНИКА ПОЛНИТСЯ ТРУПАМИ, ПОЛИЦЕЙСКИЕ ЗАНИМАЮТСЯ СЕРФИНГОМ.

Логотип чуть выше не оставлял никаких сомнений. Это был аккаунт «Радио Герника» в Твиттере.

– Вот козел!

– Твоя фотография стала вирусной: один из членов следственной группы покоряет волны вместо того, чтобы гоняться за преступниками. Представь реакцию общественности. Зато ты тут очень красивая, – добавил Чема, пролистывая

вниз.

Хулия увидела десятки комментариев. Она не стала тратить время на их прочтение, ведь и без того было ясно, что ни один из них ей не понравится. Те, кто не критиковал полицию за бездействие, комментировали внешность детектива, которая в одночасье превратилась в секс-символ.

– Он пытался меня шантажировать, а когда не вышло, опубликовал эту гадость, – прошипела она.

Поцокав языком, Чема спросил:

– Он – это кто?

– Аймак Берасарте.

Хулия рассказала ему о встрече на пляже с радиоведущим, который заменил Наталию Эчано. О его интересе к недоступной для других информации, о намеках на то, что он может раскрутить ее.

– Он скользкий тип. Всегда был таким, – закончила она. К чему вдаваться в подробности и объяснять, что уже в школе он стремился к цели любой ценой?

– А убийство Наталии стало для него настоящим подарком, – заметил Чема. – За одну ночь он превратился в ведущего и без того самой популярной программы во всем Урдайкае, а тут еще нездоровый интерес к самому преступлению. Он явно не прочь перешагнуть через трупы на своем пути.

Послышались шаги. Повесив плащ на вешалку, Сестеро подошла к ним.

– Что это за чушь с «Радио Герника»? Мы можем делать все, что пожелаем, в свободное время, – фыркнула она.

– Прости, – пробормотала Хулия. Ее одинаково мучили злость и чувство вины.

– Даже не вздумай извиняться, – отрезала Сестеро. Под глазами у нее виднелись темные круги. – Я хочу знать об этом парне все. Особенно есть ли у него алиби. Смерть начальницы стала для него источником популярности, о которой он так мечтал. И похоже, ему нравятся социальные сети... Не стоит забывать о трансляции преступления в прямом эфире на «Фейсбуке».

К ним подошла Сильвия. Комнату затопил горький аромат, исходивший от чашки кофе в ее руке.

– Многим убийцам нравится быть в центре внимания. Они способны на все ради тщеславия и возможности быть на первом плане. Возможно, это как раз наш случай, – заметила она, сделав глоток.

Сестеро постучала костяшками пальцев по столу.

– Давайте за ним. Если он хочет подложить нам бомбу под ноги, она взорвется прямо перед его лицом, – решительно заявила она.

Чема кивнул. Ему понравилась идея. Хулии тоже.

– Ты освободил того изверга? – спросила она.

– Только что, – ответил Чема. – Ух, столько новостей. Все перевернулось вверх дном. Что думаете насчет Галисии?

– Надеюсь, они это сочинили, чтобы продать побольше га-

зет, и нам не придется ловить убийцу по всей стране, – Сестеро поджала губы. – Айтор на связи с Гражданской гвардией¹⁰. Возможно, это просто совпадение. Некоторые журналисты способны найти связь там, где ее нет. Сенсации приносят деньги.

– Надеюсь, что так, – подхватила Хулия. Ей никогда раньше не приходилось работать над делом, выходящим за рамки юрисдикции полиции Страны Басков. Бюрократия только застопорит расследование.

– Временные рамки не подходят, – вставила Сильвия. – Если мы имеем дело с серийным убийцей, то очень странно, почему прошло три месяца между первым и вторым преступлением и всего пять дней перед третьим.

Время обсуждений закончилось – на пороге возник Айтор.

– Ужасная история. Вы будете в шоке, – объявил он, опершись о стол. Полицейские разом посмотрели на него. – Все случилось во время религиозного праздника. Вы когда-нибудь слышали о шествии мертвецов? – Ответа не последовало. – Вот и я нет. В общем, это праздник святой Марты де Рибартеме в отдаленной деревушке в провинции Понтевед-

¹⁰ В Испании есть две общенациональные структуры, занимающиеся охраной порядка, – Национальная полиция и Гражданская гвардия. В крупных городах, как правило, расследования проводит первая, а в остальных частях страны – вторая. При этом в автономных областях, в частности, Стране Басков, действует своя независимая полиция (у басков – Эрцайнца). Все упомянутые персонажи являются сотрудниками Эрцайнца.

ра. Самое любопытное в этом празднике то, что некоторые, особо верующие, ложатся в гроб, чтобы их несли на плечах, имитируя похороны.

– Да ну тебя! Ты серьезно? – спросила Сестеро. Теперь ей стало понятно, как снимок открытого гроба просочился в СМИ.

Чема напечатал что-то в поисковике, и монитор заполнили снимки мрачного шествия.

– Нужно по-настоящему хотеть туда лечь, – сказала Хулия, отмечая, как похожи живые в гробах на настоящих мертвецов.

– Жертва была одной из них. В конце процессии они поняли, что она действительно мертва. И сверху лежал тюльпан.

– Кошмар! – воскликнула Сестеро, представив, как это выглядело.

– Сначала думали, что это сердечный приступ или что-то еще, но вскрытие выявило отравление, – продолжил Айтор. – Тетродотоксин, яд иглобрюхой рыбы. Кто-то спрятал небольшую ампулу под подкладкой гроба. Подкожная игла – и убийство прошло незаметно.

– И она не заметил укола?

Айтор пожал плечами. По телефону он не мог получить всю информацию.

Хулия выжидающе посмотрела на Сестеро. Какой теперь план?

Ане ответила не сразу. Она невидящим взглядом уставилась в монитор, где застыли фотографии шествия мертвых.

– Завтра я поеду в Галисию, – в итоге объявила она. Несмотря на уверенный тон, она сомневалась, что вышестоящее начальство сумеет организовать все так оперативно. Взаимодействие между различными органами правопорядка было делом непростым.

– А остальные? – спросил Чема.

– Вам достаточно и своих задач, – ответила Сестеро. – Слишком много нерешенных вопросов. Поговорите с семьями. Нужно найти связующее звено между Наталией и Арасели, и вдруг найдется что-то общее с шествием. Хулия, поговори с семьей журналистки. Чема, а ты с семьей Арасели.

– А что Айтор? – недовольным тоном спросил Чема.

Сестеро поджала губы. Ей хотелось ответить резкостью, но она сдержалась.

– Айтор навестит этого радиоведущего. И хорошо бы слегка поднять шум: пусть знает, что он под подозрением. Тогда он дважды подумает, прежде чем оклеветать Хулию или кого-то другого.

Но Чема еще не закончил:

– А ты? – спросил он, глядя на часы. Этим жестом он давал понять, что до конца дня еще далеко.

Хулия отвела взгляд, чувствуя себя неловко. Что за игру затеял ее напарник?

– Я? – переспросила Сестеро. – Я все еще отвечаю за это

подразделение, кто бы что ни думал. – Она выдержала паузу, которой позавидовал бы любой режиссер. – Если ты не возражаешь, я попробую выяснить, действительно ли в заливе действует банда наркоторговцев. Это может быть общим звеном между двумя жертвами, зацепка слабая, но все же. Наталия обличала торговлю наркотиками, а Арасели замужем за наркоманом. Вполне возможно, что этот тип занимался распространением, чтобы оплачивать свою дозу, и что за это у него были неоплаченные счета.

– Немного притянута за уши, но все может быть, – признал Айтор.

– Такие преступления вполне вписываются в наркоторговлю. Нужно поддерживать страх в зонах, где они действуют. Происшествие в Галисии вполне вписывается в картину. Та женщина могла быть еще одной жертвой, которой заткнули рот или отомстили, а тюльпан – это предупреждение для распространителей, – продолжала Сестеро.

– Мы до сих пор не обнаружили в Урдайбае никаких доказательств незаконного оборота наркотиков такого масштаба, – возразила Хулия.

Что-то в выражении лица Сестеро подсказало ей замолчать. Ане открыла рот, словно собираясь что-то сказать, но передумала.

– А что вы думаете по поводу земель под новый музей? – спросил Айтор. Решил помочь ей, сменив тему? – Некоторые полагают, что на кону много денег.

Чема отрицательно покачал головой.

– Похоже, Галисия указывает в другом направлении...

– И другие детали, – вставила Сильвия. – Мы имеем методичного, расчетливого убийцу со своей подписью и тщательной инсценировкой. Сюда не вписывается застройщик, который убивает из экономических соображений.

– Да, на нас лежит ответственность расследовать эту версию, но давайте не будем тратить на это много времени, – сказала Сестеро. – Кто покупает эти земли? Кто выбирает возможные места? Проверишь, Хулия?

Та удержалась от гримасы, хотя задание ей явно не понравилось. Если сержант считает, что это слабый мотив, зачем вообще копать в этом направлении?

Сестеро повернулась к Айтору.

– А еще на тебе комиссар. Нельзя исключать его, пусть даже мы не видим явной связи со второй жертвой. Получал ли он какие-нибудь посылки в последнее время? Эти тюльпаны должны были как-то добраться до Герники. Хулия... Ты не знаешь, Луис Олайсола случайно не увлекается садоводством?

– Не похоже на него. Он всегда говорит о рыбалке. Он ближе к морю, чем к суше.

Сестеро слегка покачала головой, пожала плечами и вздохнула. Явная демонстрация сомнения.

– Нам надо найти плантацию тюльпанов, – заявила она. – И это будет нелегко. Для того чтобы они зацвели в это вре-

мя года, им нужно расти в закрытом помещении, где можно регулировать температуру. Думаю, Айтор подробнее расскажет нам об этом.

Напарник открыл блокнот и сверился с наброском, сделанным ручкой.

– Да, я провел кое-какие исследования и должен сказать вам, что это захватывающий цветок. Мы имеем дело с очень непростым растением. Его выращивание требует усилий, и только терпеливый человек сможет довести это до конца. – Он посмотрел на Сестеро и подмигнул. Нет, это не для нее. – Нашему убийце, если он действительно выращивает их сам, нужна хорошая система контроля температуры в помещении. В первые недели луковицы должны расти в почти полной темноте и при постоянной температуре 8 градусов. И это в летнюю жару – для того чтобы они зацвели в это время года, их должны были посадить в разгар лета.

– Сколько сложностей, – пробормотал Чема.

– Ха, это только начало. Не хочу вас утомлять, но там хватает нюансов, – сказал Айтор, перелистывая страницы блокнота. – Нужно обращать внимание на влажность, качество земли, удобрения... После того как холодный этап закончится, цветам требуется свет и температура 14 градусов. И еще один цикл, пока они не зацветут.

– А для этого нужно снова поднять температуру, – предположила Хулия.

– Бинго. Но только несколько часов в день, чтобы создать

иллюзию дня и ночи. То же самое с освещением: в светлое время суток свет на максимум, а затем полная тьма. – Айтор прочел что-то про себя и покачал головой. – Сложно, все очень сложно. Но меня это прямо заинтересовало.

– Меня – ни за что! – воскликнула Сестеро.

– Но я еще не рассказал вам о вредителях, болезнях и других возможных проблемах...

Сильвия, делавшая пометки на доске, повернулась к остальным.

– Все это дает нам очень интересные подсказки о личности убийцы. Он терпелив и педантичен. Ему нужно несколько месяцев заботиться о растениях, прежде чем они расцветут. Этот человек ничего не оставляет на произвол судьбы.

– Тем хуже для нас, – признала Ане.

– Хотя бы одна ниточка у нас есть, – подбодрила ее Хулия. – Нам нужно найти оранжерею или что-то подобное.

Айтор поджал губы.

– Это может быть просто кладовка или гараж... Главное, чтобы там был свет и кондиционер.

– Может, нам стоит подключить к поиску моих коллег из полицейского управления? – предложила Хулия. – Одни мы со всем не справимся.

– Они нас ненавидят, – заметила Сестеро.

– Это неправда. Они просто обижены недоверием со стороны вышестоящего начальства, – возразила Хулия.

– Кто вас ненавидит? – раздался голос из коридора.

Все обернулись.

– А ты что здесь делаешь? – с удивлением спросила Сестеро.

Хулия расхохоталась.

– Вы знакомы? – спросила она, схватив новоприбывшего за плечо. – Как тебе это удастся? Только появится новая де-вушка, а ты уже закинул крючок.

– Но... – Сестеро так ничего и не понимала. – Как ты попал внутрь?

Теперь рассмеялся он.

– Я полицейский. Работаю в этом управлении. Так что я один из тех, кто, по-твоему, вас ненавидит.

Хулия вмешалась, чтобы прояснить ситуацию:

– Он мой партнер. В смысле, по работе, боже упаси в любом другом смысле. Если бы меня не перевели в это подразделение, мы бы с ним вместе работали над каким-нибудь делом.

Рауль отодвинулся от нее, изображая гнев:

– Почему ты так плохо обо мне говоришь? Я настоящий праведник.

– Ангел во плоти. – Хулия засмеялась и поцеловала его в щеку. – Напарник ты просто отличный, на это я пожаловаться не могу.

– А как же татуировки? – спросила Сестеро.

Хулия снова рассмеялась. Она была уверена, что смогла бы воспроизвести разговор между Сестеро и Раулем в баре

до последней буквы. Слишком часто она видела напарника в действии.

– Вообще мастерской управляет мой компаньон. Мы создали ее вместе, но, когда я начал работать в полиции, она досталась ему. Я по возможности помогаю ему, – объяснил Рауль.

Сержант выдавила улыбку и вздохнула.

– У тебя получилось обвести меня вокруг пальца.

Рауль изобразил победный жест.

– Простой полицейский против главы спецподразделения...

Чема цокнул языком, напоминая всем, где они находятся.

Поправив узел галстука, он отвернулся.

– Сообщите, когда закончите флиртовать, и мы сможем вернуться к работе. – Он указал на компьютер.

Среда, 24 октября 2018

Руины кирпичной фабрики погрузились в сон на берегу реки. Железная дорога, где убили Наталию Эчано, проходила у подножия огромного дымохода. Он больше не извергал дым. Прошло уже много десятилетий.

Сквозь деревья слышался шум поезда, и двое полицейских застыли у перехода. Рельсы вибрировали и издавали странный металлический звук по мере приближения. Несколько потревоженных цапель улетели прочь. Когда поезд проезжал мимо Сестеро и Хулии, раздался гудок, а машинист поднял руку в знак приветствия. Затем наступила тишина, и они направились к старому причалу.

Он представлял собой простые деревянные сооружения. Некоторые доски со временем покосились и походили на хрупких многоножек. Из-за высокого прилива этим утром сваи терялись в зеркальной глади. Они окажутся высокими и длинными, когда вода отступит, оставляя на дне тину.

– Я часто приезжала сюда в детстве. У друзей отца была лодка, и они швартовались здесь. – Хулия положила руку на деревянный поручень первого причала. Здесь было около десятка одинаковых причалов самой простой конструкции. – Летом мы проводили здесь больше времени, чем дома. Иногда я отправлялась рыбачить вместе с ним, а иногда остава-

лась с мамой играть в траве... О Муруэте у меня остались самые теплые воспоминания.

Сестеро слегка улыбнулась. Ее взгляд бродил по водяной глади, пока ее внимание не привлекла пара уток, плавающих рядом с камышами. Чуть дальше – так далеко и одновременно так близко, за покосившимся забором, расположились погрузочные краны и гигантские сооружения верфи Муруэты. Только звуки, доносившиеся оттуда, контрастировали звукам природы.

– Извини, я зачем-то рассказываю о своей жизни... Вообще-то, я хотела поговорить с тобой о комиссаре Луисе Олайсоле. Вот почему я настояла на том, чтобы уйти из управления, – смущенно призналась Хулия. Она тоже перевела взгляд на уток, и несколько минут прошли в молчании. – Мне больно говорить об этом... Олайсола – хороший человек, он всегда заботился о нас как начальник. Не думаю, что в Стране Басков найдется хоть один полицейский участок, где была бы более благоприятная рабочая атмосфера. – Еще одна пауза, Хулия погрустнела. – Но в последнее время он стал сам не свой. Он был одержим Наталией Эчано, не мог смириться с их расставанием...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.